

фантастическая
пестория

Алексей Кулаков

Магнатъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Алексей Иванович Кулаков

Магнатъ

Серия «Александр Агренов», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9463466

Магнатъ: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015

ISBN 978-5-9922-1940-1

Аннотация

Мало закатить камень на вершину горы. Нужно еще постараться, чтобы твой труд не пропал даром! Наш современник, волей случая сменивший век двадцать первый на девятнадцатый и ставший молодым, родовитым и... практически нищим князем, вдобавок последним в своем роду, окончательно принял новое имя и жизнь. Начав все с чистого листа, всего за семь лет достиг вершин общества, признания и успеха. Удача сопутствует князю Агренову, но будет ли так всегда?.. Покатится ли его «камешек» легко по склону, побуждая к движению сначала камешки поменьше, а затем и большие валуны, и превратится ли его бег в неуправляемую лавину? Или он остановится перед непреодолимым препятствием и станет еще одним памятником тщетности сует?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	44
Глава 3	94
Глава 4	138
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Алексей Кулаков

Магнатъ

Пролог

В жаркий летний день от городской окраины к проходной оружейной фабрики приближались трое высоких, статных и удивительно жилистых мужчин. А еще вернее, полноправных казаков – чем ближе они подходили, тем отчетливее можно было различить фуражки и широкие синие лампасы на шароварах. На проходной они и вовсе развеяли все возможные сомнения, с врожденной казачьей непринужденностью проигнорировав как турникет, так и самого охранника при нем. Миновали первый, попытались обогнуть второго...

– Ну-ка, замерли! Теперь на две сажени назад. Живо!

Особенную убедительность этой просьбе придавала рукоятка револьвера, торчащая из открытой кобуры, и правая ладонь охранника, зацепившаяся большим пальцем за ремень аккурат рядом с этой самой кобурой. Казачки переглянулись, пожали плечами и все так же непринужденно вернулись обратно, причем один успел с насмешкой шепнуть другому что-то вроде: «Какие грозные сторожа на фабрике!»

– Служивый, а как бы нам самого главного увидеть, а?

– Вам назначено?

– Да вроде нет.

– Запись на прием вон за той зеленой дверью.

Гости Сестрорецка опять переглянулись, на сей раз озадаченно. Затем пожали плечами, переваривая непонятный ответ, и повторили попытку:

– Да ты не понял, служивый. Мы сродственники его, нам *так* можно, без всяких там... этих ваших штук.

– Запись на прием вон за той зеленой дверью.

– Да поняли мы уже, поняли. Ну а письмецо-то от батюшки передать ему можешь? Или что братья сродные¹ до него приехали?

После этих, в сущности, простых и уж точно необидных слов в глазах подтянутого мужчины в черной форме появилось очень нехорошее выражение. А рука, отцепившись от ремня, прочно обосновалась на ладно изогнутой рукояти револьвера. И неизвестно, чем бы закончился столь неудачно начавшийся разговор, если бы из темной прохлады караулки под жаркое августовское солнышко не вышел начальник охранной смены. Выслушал рапорт от подошедшего к нему подчиненного, внимательным взглядом буквально ощупал троицу мужчин, а напоследок даже попросил документы – видимо, захотел блеснуть перед ними своей грамотностью. Ну что сказать – блеснул, после чего ненадолго задумался, затем, сделав им знак обождать, скрылся на пару-тройку минут в караулке. Вернулся с явным удивлением на лице и,

¹ Двоюродные. – Здесь и далее примеч. авт.

как-то странно косясь на синелампасников, отрядил одного из подчиненных в провожатые:

– Идите за ним.

Трое «сродственников» спокойно миновали грозного стража проходной и вразвалочку зашагали, активно вертя головами по сторонам. На пути до неведомого пункта назначения им встретилось немало интересного и еще больше непонятного, но больше всего запомнилась артель юных тружениц швейного цеха, небольшим табунком направлявшаяся в столовую. И красотой лиц, и очень даже упруго-фигуристскими статьями, дополненными острыми и смешливыми язычками – а еще тем, что внимание столь хорошеньких (прямо как на подбор!) дивчин, вкупе с парой-тройкой приветливых фраз, получил только и исключительно их провожатый в черной униформе. Нет, на них тоже посмотрели... равнодушно и мельком, словно бы на пустое место. Отчего бравые казаки, немало озадаченные последним обстоятельством, почти и не заметили, как поменялся их сопровождающий. И пришли в себя только при виде группы мужчин, развлекающихся привычным и, самое главное – насквозь понятным делом. У них дома тоже любили почесать кулаки о соседа – в небольшой дружеской потасовке, разумеется. Правда, станичники «дружили» один на один, на крайний случай ватажкой на ватажку, а не трое против одного. Да и на руки обычно ничего смягчающего удары не надевали... Но кто их знает, какие в Сестрорецке порядки насчет немудреных

мужских развлечений? Тем более что одинокий боец против такого неравенства сил явно не возражал. Хотя напор на него был весьма велик, да и удары прилетали очень даже увесистые – он же только весело скалился и постоянно перемещался, старательно прикрываясь ближним противником от всех остальных.

Бац! Бац!

Бац!..

Ну то есть очень старался, чтобы оно так и выходило, и уж точно не жадничал на ответные «плюшки». Не рискуя, впрочем, задерживаться на одном месте больше секунды-двух.

– Хоп! Северьян.

Теперь уже недавний агрессор запрыгал веселым козликом, уходя от настойчивого внимания все той же троицы бойцов – вот только состав был немного другим. И его неудавшаяся жертва проявляла себя в нападении ничуть не хуже, а скорее даже куда лучше, нежели в обороне: все-таки личная заинтересованность – великая вещь! Так что уже через десяток секунд «зайчик-попрыгайчик» пропустил мощную плюху в челюсть и слегка поплыл. За первой с минимальным отставанием последовала вторая, слегка подровнявшая левую скулу (небольшой привет от подоспевшего «загонщика»). Ну а потом и третий противник отметился, ловко сбив Северьяна подсечкой на землю, а потом резко ударив ногой. Все по той же утоптанной глинистой земле, но в то же время и рядом с тоненькой височной костью.

– Хоп! Пять минут перерыв.

Победитель тут же просиял довольной улыбкой и протянул руку, помогая подняться жестоко и, главное – быстро «убитому» супротивнику. Трое казачков подошли уже достаточно близко для того, чтобы слышать недовольное и немного непонятное ворчание проигравшего:

– Зато я в стрелковке лучше!

– Да кто бы сомневался. Но пятерку ты мне вынь да положи, хе-хе!

– Жадюга!..

– На том стою.

– Кхм?..

Новоприбывшие дружно повернули головы и с нарастающим интересом (хотя, казалось, куда уж больше!) уставились на подошедшего к ним мужчину. В запыленной и измятой форме, с «голым» лицом (впрочем, усы отсутствовали как минимум у трети присутствующих на воинском поле бойцов) и с еле заметным мазком грязи на шее. Вдобавок в его глазах светилось явное узнавание – хотя до сего дня они видаться ну никак не могли.

– Чем могу помочь?

Самый старший из гостей Сестрорецка вздохнул про себя (ну опять, то же самое мочало – начинай рассказ сначала) и повторил все, что говорил сторожу у ворот и его начальнику.

– Главного?.. Хм. А какого именно? У нас на фабрике

главных много. Есть по станкам, в столовой есть главная, над кладовщиками, над грузчиками...

– Да нет, я ж говорю – нам самый главный нужен. Грегорей Дмитрич Долгин! Дело у нас до него.

Мужчина понимающе и уважительно покачал головой, принимая свою оплошку:

– То-то я смотрю, вы так похожи... Родственники, значит?

Еще раз качнул головой и сожалеющим тоном выдал:

– Григорий Дмитриевич вернется в Сестрорецк только послезавтра. Вы можете пока подождать, места в гостинице я вам обеспечу. Или сказать мне, – может, и сумею чем-то помочь в этом вашем деле.

Парни переглянулись.

– Ну?.. А что, вы и есть инспекторы?

– Они самые.

Видя, как они мнутя в сомнении, мужчина слегка изменил осанку и малость построжевшим голосом представился:

– Старший инспектор Демид Сошников.

Вопросительно посмотрел...

– Дмитро.

– Василий.

– Петр.

И удовлетворенно кивнул:

– Так что за дело у вас?

Уже без сомнений и сопутствующих им колебаний двадцатипятилетние казачки признались. Что все они, как один,

желают поступить на службу в отдел экспедирования. С чем, собственно, и прибыли к двоюродному брату.

– Угум.

Сошников как-то странно скосил глаза влево, где отдыхали от трудов мордобойных его подчиненные, и без паузы кивнул:

– Можно попробовать. Пройдете собеседование – лично замолвлю за вас словечко перед Григорием Дмитричем.

Жилистые станичники опять запереглядывались:

– Как-то оно... Гхм. А что за собеседование такое, старшой? Ты уж растолкуй, сделай милость.

– Да просто все. Выйдете в круг, против вас один из моих ребятишек встанет. Как его носом в пыль макнете, ну или там юшку² пустите – все, собеседование прошли.

Петр довольно улыбнулся, орлом поглядывая по сторонам – почесать кулаки о достойного противника он любил. И умел. Многочисленные дядьки (среди которых был и отец двоюродного брата Грегорея), иногда батька, а временами так даже и сам дед – все они на совесть вдолбили в него трудную казацкую науку, так что предстоящего, хе-хе, «собеседования» он не боялся. И в спутниках своих был крепко уверен. Да и то сказать – им ли, потомственным воинам, бояться вчерашних крестьян? Пусть и поднабравшихся кое-каких ухваток? Нет, кровь казачья – не водица...

– Ну эт можно.

² Кровь.

– Хоп!

Отдыхающие в тенике экспедиторы тут же выстроили круг, с интересом приглядываясь к соискателям должности. Отметили поразительное сходство облика каждого с господином главным инспектором, прошлись по фигурам, оценили определенную плавность и легкость движений...

– Кто первый, ты? На вот, надень.

Пока казак натягивал на руки перчатки толстой кожи, старший экспедитор коротенько перечислил все правила предстоящей «беседы»:

– Не калечить.

Почти не глядя, ткнул пальцем в молодого (пожалуй, даже помладше их самих) экспедитора, тут же сделавшего пару шагов вперед:

– Готов?

Петр покрутил головой и плечами, чуток разминаясь, несколько раз сжал-разжал кулаки, привыкая к перчаткам, и плавно протанцевал-шагнул в круг, сделав все те же два шага.

– Готов, старшой.

– Вот и славно. Хоп!

Глава 1

– Все собрались?

Три десятка слушателей рабочих курсов Сестрорецкой оружейной фабрики, столпившиеся в одном из коридоров поселкового клуба, тут же замерли. А потом начали переглядываться, старательно определяя – кому же именно задали этот вопрос? Меж тем господин в неброской, но весьма дорогой одежде удовлетворенно кивнул, щелкнул замком, открывая дверь в учебный класс, и приглашающе махнул рукой:

– Ну же! Прошу, заходите.

Дождавшись, пока недавние крестьяне устроятся за партами и притихнут, аккуратно притворил за собой дверь и прошел на место лектора. Отодвинул в сторону длинную указку, легонько мазнул кончиками пальцев по стулу, проверяя его чистоту...

– Что же, начнем. Все вы, в недавнем прошлом, были крепкими, справными хозяевами. У каждого своя история и свои причины, заставившие уйти из родного дома в поисках лучшей доли. Что ж, вы ее нашли. В довольно скором будущем вы сможете стать вполне квалифицированными мастерами. Не голодать, честно зарабатывать себе на хлеб насущный, растить детей... Вы ведь этого хотели?

Недавно появившаяся привычка отвечать на поставлен-

ный преподавателем вопрос заставила будущих работников компании утвердительно кивнуть.

– А ведь земля-то зовет. Вы же всю жизнь ее пахали, с нее жили, своей головой да хозяйством. Тоскуете небось по прежнему укладу?

Человек за конторкой лектора сделал небольшую паузу, покатав перед собой березовую указку:

– Так я прав или нет? Вы...

Поднявшийся для ответа мужчина средних лет степенно огладил широкую бороду, вздохнул и согласился, чувствуя всей спиной молчаливую поддержку:

– Все так. Зовет, родимая. Только что ж делать, коли жизнь так сложилась?

Человек в дорогой одежде сочувственно покивал головой. И резко сменил тему:

– А теперь поговорим о том, зачем вас всех тут собрали. Наша компания, которая, надеюсь, со временем станет и вашей, имеет определенные интересы на Дальнем Востоке империи. В частности, на торговлю лесом. И конечно, она желает получать всю возможную от этого дела прибыль. А для этого крайне желательно... Кто может сказать?

Разговор, построенный в форме привычного для будущих мастеровых занятия, с ходу дал результат – сразу несколько слушателей дисциплинированно подняли руки, желая поделиться своими соображениями.

– Вы...

– Кгхм! Ну знамо дело – надо лесины на доски распускать. Доски, они того, завсегда дороже стоят!

– Очень хорошо. Кто еще?

Увы, идея с досками оказалась одной на всех, и больше поднятых рук не наблюдалось.

– Что же, я немного дополню. Шпалы. Брус, фасонные рейки, арборит, столярная плита, смола, шпон, бумага, спирт...

Услышав последнее, мужики слегка оживились, удивленно покачивая головами. Надо же, неужели даже из веток и корневищ наловчились это дело гнать? Чудны дела твои, господи!..

– Все это будет выделяться на дюжине лесопилок и двух небольших заводах. Которым, в свою очередь, потребуются... кто? Правильно, работники.

Слушатели курсов дружно перекрестились – наконец-то в их жизни появилась хоть какая-то определенность! Конечно, далеко не все были счастливы от перспективы добровольно поехать туда, куда отправляют на каторгу да под конвоем разных там душегубов и воров. Но уж лучше работать и получать хорошую задельную плату в далекой и (по слухам) весьма холодной Сибири, чем терпеть постоянную нужду и вечный голод в центральных губерниях.

– Но!

Взяв в руки указку, мужчина взмахнул ею на манер дирижера – и многоголосые перешептывания тут же послушно

стихли:

– Работникам надо где-то жить. Что-то надо есть. И не только им, но и их семьям. Съестное же везти далеко, да и накладно. Следовательно, что?..

Некоторые бородачи даже затаили дыхание, напряженно ожидая ответа. И дождались – очередной «плавной» смены темы:

– А ведь по русскому берегу Амур-реки есть не только густые леса, камни да болота, но и плодородные, не тронутые сохой земли. Не сильно много, но есть.

Попробовав указку на излом, мужчина разочарованно отложил ее в сторону – не поддалась.

– Вот и решила компания отобрать десяток-другой работников с нужным опытом, сколотить из них сельскохозяйственную артель и отправить на Дальний Восток. С тем, чтобы они обрабатывали земли компании и поставляли ей столь необходимое продовольствие.

Оратор недовольно покосился на указку, затем на слушателей и уселся на свое место.

– Условия контракта простые. Компания предоставляет работнику: дом с хлевом и амбаром, кое-какую живность, всю нужную для жизни и работы утварь и одежду. Ну и прокорм до первого урожая. Тихо!

Шлеп!

На столешницу перед змеем-искусителем в человеческом обличье звучно приземлилась стопка брошюр, извлечен-

ных из неприметного ящичка, все в той же самой конторке. А слева от стопочки аккуратно легли лист чистейшей белоснежной бумаги и остро отточенный карандаш.

– Подробности вот в этих книжках, читать вас научили. Я сейчас схожу до столовой, а через... ну, скажем, часа два вернусь обратно. Кому НЕ интересно это предложение компании, может спокойно уйти. Остальные, если таковые будут, записывают свое имя с фамилией на вот этот листок и дожидаются, чтобы задать вопросы.

Легкий перекус, чаепитие, а затем и всякие мелкие дела задержали Валентина Ивановича Грече на целых три часа. Да и обратно он шел, очень даже не торопясь – в клубе же первым делом завернул в курительную комнату, а потом и в уборную.

– Ну-с, продолжим?

Двадцать восемь человек послушно расселись за парты.

– Вопросы есть? О!

Из всех присутствующих только один кандидат в переселенцы поднял руку.

– Прошу.

Сухощавый (вернее сказать – тощий как жердь) мужчина, с реденькой и какой-то клочковатой бороденкой, солидно откашлялся. Огляделся по сторонам, тихонечко вздохнул и очень бережно листнул брошюрку:

– Вашество. А вот, положим, сколько же землицы на это дело определяют?

– ВАШЕЙ артели определен участок в пятьсот десятин пахотной земли, плюс пастбища и сенокосы, плюс приусадебные участки каждому из работников. Гхм, неустановленного пока размера.

Гу-у!..

Аудитория наполнилась тихим гулом шепотков. Подавленные «на вольные хлеба», в том числе и по причине полной недостаточности (для прокорма) общинного надела, вчерашние крестьяне с трудом переваривали прозвучавшие слова. Столько земли! Для тех, кто всю жизнь кормился и жил с трех-четырех (а то и меньше) десятин тощей донельзя пашни, такое количество непаханой плодородной земли было чем-то очень сложно представимым.

– Кхм?

Греве кашлянул с отчетливым намеком. И тут же выяснилось, почему вопросы задавал один, а остальные молчали да слушали – мужичок набрал воздуха в узкую грудь и на удивление звучно гаркнул, разом перекрывая все шепотки:

– Тихха!

Звуки как отрезало.

– А вот тут говорится, что через десять лет работы, без нареканий и взысканий, человек может получить собственный надел, аж в двадцать десятин. Это так, вашество?

Валентин Иванович кивнул, приветствуя правильные вопросы:

– Что-то я запамятовал, как вас звать-величать, уважае-

мый?..

Мужичок едва заметно расправил плечи и чуть громче, чем следовало, представился:

– Азарий Пантелеич! Гхм, Карасев.

Кашлянул и зачем-то добавил:

– У нас на речке, что рядом с селом, знатные караси ловились...

– Так вот, Азарий Пантелеевич, по поводу собственных наделов. Через десять лет работы на компанию – особо замечу, хорошей работы – вы сможете у нее взять кредит под минимальный процент. В виде того самого земельного надела, расположенного или в Сибири, или на Дальнем Востоке империи, или же в ее центральных губерниях. Выплаты за кредит – десятая часть урожая, мяса и молока. Можно и больше, тогда соответственно срок выплат сокращается. Если захотите продать еще какой излишек – компания приобретет и его, по хорошей цене.

Гу-у!!!

– Тихо!

Будущий (а может, и бывший) староста умело руководил переговорным процессом, вовремя затыкая самых говорливых – а Гreve, с интересом его оглядев, сделал себе мысленную пометочку. Ценный кадр, однако!

– И еще. Сейчас вы мне, конечно, не поверите – но, распробовав и привыкнув работать по-новому, так, как принято в нашей компании, многие из вас не захотят и думать о сво-

ем наделе. М-да. Еще вопросы?

Сельский активист впал в глубокую задумчивость и вышел из нее только после незаметного тычка в спину.

– А?

Склонил голову, прислушиваясь к неразборчивому нашептыванию окружающих, кивнул и тут же озвучил общественный интерес:

– Вашество, а ружьишки нам зачем? Для каких таких, извиняюсь, надобностей?

– Винтовки Бердана, переделанные в дробовые ружья, полагаются вам для целей самообороны. Граница рядом, а китайцы – народец пакостливый, да и вороватый без меры. К тому же на ногу легкий, и Амур-река им в этом не помеха. Набегут, что-то там попортят, что-то стащат, скотину угонят, набезобразничают... Оно вам надо? А так, будут опаску иметь да десятой стороной обходить. По тем же соображениям и расселять вас будем – скопом, в крепкие дома с высоким тыном. Если и набежит кто, так миром всегда отбиться легче. Но вы за это особо не переживайте, там будет кому о вашем спокойствии подумать. Так что если и будете стрелять, так только на охоте – места там дикие, зверя пока хватает. Кстати, пушнину компания тоже принимает, по очень даже недурственным ценам. Как и орехи, ягоды, грибы, кости, рога и прочие дары природы. Нам интересно все!

– О как.

Видя, что слушатели поголовно впали в тяжкие раздумья,

а их предводитель вдобавок еще и нещадно терзает свою рыжеватую бороденку, Валентин Иванович решил потихоньку закруглять агитацию:

– Первый год поедете только вы, ну и старшие сыновья – из тех, кто уже в подходящем возрасте. Вначале железной дорогой до Одессы, потом на пароходе до Владивостока, оттуда до устья Амура. До поездки все вы пройдете особый курс обучения – на Дальнем Востоке хозяйствовать надо не так, как вы привыкли, там все по-другому.

Греве взял паузу, окинул всех взором и, сделав значительное лицо, «добил» аудиторию:

– Справитесь – и компания организует еще несколько артелей. Так что – зубами там вцепляйтесь, руками и ногами! Сделайте все возможное, и компания вас не забудет!..

На этом личный порученец князя Агренева наконец-то закруглился, без особой спешки покинув аудиторию. А те, перед кем он так долго распинался, до самой темноты сидели и рядили, шумно обсуждая свою дальнейшую судьбу. Так ничего и не решив, постановили собраться всем обществом еще раз, с утра – которое, как известно, куда как мудренее вечера.

– Смотри-тка, какие хоромины себе Грегорей отстроил!

– Да, разбогател...

– Чего встали, шагай вперед!

Петр, заметив, как прячет усмешку их провожатый, едва

не поддал своим братьям коленом под зад. Ишь, рты поразжили, словно деревенщины какие! Казаки и не такое видали, едали да пивали. Это утверждение старший из трех братьев старательно оправдывал и дальше, невозмутимо разглядывая внутреннюю обстановку двухэтажной «лачуги» и ожидая, когда же наконец появится ее хозяин.

– Ох и красавцы!

Незаметно подобравшийся к гостям Григорий замер на месте, еще раз окинул троицу взглядом, затем улыбнулся:

– Ну поздорову, что ли, братья.

Минут через пять, когда утихли все возгласы и прекратились похлопывания по плечу и даже (временами) суровые мужские объятия, родственники расселись вокруг овального стола и дружно (почти) уставились на молодую и весьма привлекательную девушку в платье горничной. Пока та освобождала поднос от четырех стопочек, графинчика с водкой и немудреного набора закусок, ее упругие стати оценили, одобрили и даже слегка позавидовали... кое-кому, у кого губа явно не дура. Ой, не дура!.. Проводив девушку понимающими глазами, гости одобрительно заулыбались (кто как мог), а Василий тоном опытного сердцеда определил:

– Огонь-девка. Как, Грегорей, угадал?

– Не знаю.

– Шо, совсем?!

Хозяин вздохнул с непонятными интонациями и сказал, как отрезал:

– С работницами компании не сплю.

Пока три брата недоуменно переглядывались, Григорий Долгин налил по первой, поднял стопку, пригубил, а затем требовательно ждал, пока остальные три не опустеют. Молча повторил, опять подождал...

– Где письмо-то?

Приняв послание, на пару мгновений о чем-то задумался, а потом отложил послание из родной станицы и с намеком поинтересовался:

– Ну что, как оно?

Вопрос поняли правильно. Петро кривовато усмехнулся половинкой лица (вторая половина заметно распухла и отсвечивала лиловым) и осторожно пошевелил правой рукой – отбитые ребра не позволяли излишне резких движений. Дмитрий зеркально повторил все его движения, только берег он не правый бок, а левый. А вот Василий отделался легче всех. Всего лишь еле заметной хромотой и самую малость заплывшим правым глазом.

– Да нормально. Ты мне вот что скажи, Грегорей: это всех так «тепло» принимают или только мы удостоились?

– Хм. Всех, кто с ходу требует самого главного.

– А что, рази ж мы что не то сказали?

Отставной унтер-офицер медленно и демонстративно окинул взглядом «украшения» своих родственников, вышедших в отставку рядовыми.

– Не то. Самый главный у нас один. Его сиятельство

князь Агрнев, Александр Яковлевич. Живых родственников у него двое – тетя да двоюродная сестра. А ты: письмецо от батюшки передать, братья приехали...

Долгую минуту все молчали.

– Да, неладно как-то все вышло. Ты уж извинись за нас, не со зла мы, по незнанию.

Хозяин опытной рукой разлил остатки водки по стопкам и проворчал:

– Уже извинился.

– И чего?

– И ничего. Он на вас и не сердился; наоборот, похвалил. Особенно тебя, Петро. Быстрый, говорит.

– Так он же нас и в глаза не видывал!..

Вместо ответа зазвенел колокольчик, тихо и мирно лежащий до этого на краю стола.

Динь-динь-динь!

Казаки удивленно наблюдали за господскими замашками родича. Вначале. Потом чувство удивления прошло, оставив после себя одно одобрение – как только появилась все та же дивчина, с подносом, причем раза в два больше первого. Не обращая никакого внимания на откровенно ласкающие взгляды гостей, расставила горшочки, переложила на стол тарелку с небольшими пшеничными лепешками, большой графин с ягодным морсом и четыре гладких и высоких бокала – после чего и вышла, унося сожаление, а также тайное вожеление трех мужчин. Да уж! Такая красота могла бы

и помедленнее поднос разгружать, а то не все успели вдоволь налюбоваться.

– Как же он не видел, когда лично с вами «побеседовал»?

Петр от такой новости аж приподнялся, разом позабыв свои недавние мысли:

– То-то я смотрю, парень этот все наши ухватки да подходы знал, даже тайные! Еще попенять тебе хотел, что чужих учишь казачьему спасу...

Григорий взял в руки вилку, аккуратно снял крышечку с горшочка – и по комнате поплыл до одури вкусный запах свинины, запеченной под сыром пармезан.

– Чему-то я научил, чему-то меня научили.

Вслед за ним и остальные принялись угощаться, дружно проигнорировав вилки. В одной руке ложка, в другой кус хлеба – все, как и полагается за нормальным столом, без всяких там господских замашек. Примерно с десятков минут царило деловитое молчание, разбавленное перестукиванием столового серебра и легким позвякиванием стаканов. Затем вновь прозвенел колокольчик, все те же ловкие руки горничной убрали опустевшую посуду со стола и поставили новый графинчик с водкой, мисочку с копченостями и все те же четыре стопки. Наблюдая, как три пары глаз провожают фигуристую прислугу, хозяин покачал головой:

– Вы прямо как с голодного края прибыли.

– Хех! Не всем так везет, такую кралю под боком иметь!..

– Гм.

Господин главный инспектор машинально промокнул уголки губ накрахмаленной салфеткой и, начисто игнорируя очередные многозначительные переглядывания братьев, отстраненно заметил:

– Это вы еще в наш швейный цех не заглядывали. Вот уж где цветник-палисадник!

Все так же тихо и незаметно появившаяся горничная одним своим видом невольно оспорила последнее замечание. Все же кое-какие «цветы» растут и на «клумбе» сродственника!.. Хотя, конечно, гости и к швеям заглянуть не откажутся. Хотя бы потому, что от такого отказываться – дураков нема. Меж тем стол в третий раз обновился – рядом с графинчиком «беленькой» появился еще один, наполненный рубиновой жидкостью. Затем беззвучно легла на скатерть хрустальная пепельница, прибавилось тарелочек с закуской, а опустевшие горшочки переключевали на поднос. Последним штрихом стала изящная резная шкатулка, поставленная по правую руку Григория.

По-прежнему игнорируя взгляды гостей (и безмерно их этим огорчая), молодая красавица ушла, прихватив свою ношу. А глава застолья откинул крышку шкатулки, открывая заинтересовавшимся взорам целые залежи разнообразных табачных богатств, не глядя, подхватил несуразно длинную папиросу и щелкнул зажигалкой. Золотой, между прочим! Придирчиво внюхиваясь в неприлично мягкий и вкусный дымок, братья слегка попривередничали в своем выборе, за-

тем все же решили последовать примеру более удачливого родича. Пока они по очереди раскуривали свои сигариллы и крутили в руках приятную тяжесть «Бензы», хозяин налил себе полный бокал вина, тут же его ополовинил, довольно вздохнул и принялся читать весточку из родной станицы.

– Надо же!.. Когда служить поверстали, дядько Онуфрий даже на проводы не пришел, а теперь, гляди-ка ты, добрым словом поминает, поклон передает. Неужто забыл мне свою яблоню?

Казачи дружно фыркнули, вспоминая, как шлепнулся вместе с обломившимся прямо под ним суком (с полуторасаженой высоты, между прочим, навернулся!) одиннадцатилетний любитель наливных яблочек. Прямо в объятия выше-названного дяди, который после такой помощи в сборе урожая изрядно рассвирепел и обломал очень даже увесистую хворостину об зад «помощника». Да, славные были денечки...

– М-да.

Григорий аккуратно отложил письмецо в сторонку и раздавил остаток сигариллы в пепельнице, одновременно не без усмешки поглядывая на Петра – с видом опытного ценителя тот «дегустировал» рейнское, изрядными такими «глоточками».

– Эх, слабовата водичка! Водочка, пожалуй, куда как лучше будет. А, браты?

В ответ на незамысловатую подковырку отставной ун-

тер-офицер пограничной стражи ответил просто и честно:
– Я привык.

И, предупреждая все остальные вопросы, продолжил:

– Все то, что вас так удивляет или просто непривычно, для меня уже давно стало обыденностью. Потому что я занимаю значимый пост в компании, и мне должно соответствовать своему месту. Поведением, речью, обликом – всем. Я специально этому учился, да и учусь по сию пору.

– Эва как!..

Петр одним только взглядом заткнул Василия, продолжая внимательно слушать.

– Весь этот достаток, что занимает ваши мысли, горничные, дом – все это положено мне просто по должности. И та же зажигалка, на которую все никак не может наглядеться Дмитро, сущая мелочь по сравнению с... ну, например, пепельницей в виде золотого лаптя, причем последний отлит в натуральную величину.

Василий все же не утерпел:

– Что, у тебя и такое имеется?!

– Не у меня, а у нескольких знакомых мне купцов первой гильдии. Но если только возникнет подобная блажь – и у меня в кабинете появится точно такая же безделушка.

Тут уже не удержался и сам Петр:

– Что, и это тоже компания даст?

Хозяин еще раз отпил из бокала и равнодушно согласился:

– Если это будет действительно необходимо – даст, хоть дюжину. Впрочем, на подобные мелочи хватит и моих личных денег. Ладно, со мной закончили, теперь поговорим о вас.

Казаки произвольно вытянулись и расправили плечи, ибо властности в голосе кровного родича заметно поприбавилось. Как и их веры во все, что он только что им говорил:

– Почему не хотите обратно в станицу?

– Да ну! Толком и мир-то еще не повидали, не нагулялись, а в станице... И так-то нас, пока новиками были, едва не оженили. Теперь же, стоит только вернуться, так враз окрутят – старики, поди, уже и невест нам присмотрели. Сам ведь знаешь, как оно!...

Григорий понимающе потер подбородок, мимоходом огладил усы и согласился:

– Знаю.

Действительно, гулять в одиночестве молодым казакам долго не давали – уж за чем-чем, а за этим многочисленная женская родня и самые старые, а следовательно, и авторитетные казаки следили пристально и строго. Насильно, конечно, никого в храм божий не тащили – но уговорами и постоянными намеками жизнь портили весьма основательно.

– Что же, тогда давайте подумаем. В экспедиторы вам путь заказан, потому что «собеседование» вы не прошли.

– Так уж и не прошли!.. Подумаешь, на кулачках уступил! Для казака это не главное – шашкой я кого хошь на шматки

попластаю!

– Чтобы кого-то там напластать, по нему еще попасть надобно... М-да. Что у нас дальше? Охрана. Можно, но я бы не советовал: служба там по большей части рутинная, строгостей много, начнете вы с рядовых... А раз жениться вы не хотите, то и фабричные работницы без вас обойдутся. Так, дальше. Та же охрана, но на Кыштымских заводах компании – рутины поначалу мало, но потом все одно появится, а строгостей как бы не больше, чем в Сестрорецке. Еще можно устроить вас младшими фабричными инспекторами – но прежде придется где-то с полгодика отработать на производстве простыми мастеровыми.

– Это еще зачем?

– Чтобы что-то инспектировать, Василь, надо в этом хоть немного разбираться. У меня сейчас всего два младших инспектора, и оба вышли из мастеровых... Идем дальше. Из вас получатся неплохие инструкторы физподготовки, для охраны и переселенцев. Как?

Братья уже привычно переглянулись:

– Это чего такое ты сейчас сказал?..

– Будете учить охранников, как нарушителей и дебоширов без смертоубийства скручивать. А переселенцев – натаскивать в стрельбе из дробовика.

Пользуясь небольшой паузой в разговоре, Григорий пригубил вина.

– Что там у нас дальше? А дальше у компании намечается

важное и долгое дело, в местечке под названием Клондайк. Но и там вы тоже начнете с рядовых, да и порядки будут еще строже, чем в охране.

От таких «блестящих» перспектив троица заметно приуныла.

– Ну и последнее. Компания собирается устроить несколько предприятий на Дальнем Востоке империи. При этих самых предприятиях и вокруг них будут поселки, для рабочего и крестьянского люда. А места там дикие, шатается кто ни попадя – хунхузы, дикие старатели, скупщики золота, охотники с китайского берега Амура, спиртоносы, контрабандисты, беглые каторжане... Поговаривают, что и местные казачки иногда позволяют себе лишнее. А компании надо, чтобы там была тишь да гладь да божья благодать. Кое-кого мы уже туда отправили, но опытные казаки все одно будут очень даже к месту.

Братья переглянулись, посовещались мимикой и взглядами...

– Насчет последнего – нам бы поподробней...

– Это можно. Дадим каждому из вас десяток солдат-отставников из пограничной стражи. ПОКА десяток. Снарядим всем необходимым, месяца три поучим да погоняем, чтобы сладились, а потом поедете на Дальний Восток. Там опять полгода поучитесь...

– Чему?

– Например, тому, Дмитро, как не перебивать старшего,

хотя бы и сродного брата. Ну или тому, как оказывать первую медицинскую помощь, читать карты, ходить по тайге и лесостепи, повадкам опасного зверья, которого там хватает, ну и прочим полезным мелочам. Походите с местными инородцами, пооботретесь, местность разведаете, основные тропы узнаете... А где-то через годик выйдете на свободную охоту.

Вот тут уже разговор перешел на знакомые каждому казаку вещи:

– На кого?

– На землях компании без ее предварительного уведомления и получения соответствующего разрешения могут находиться представители власти, духовенство, коренное население и собственно служащие компании.

– И?

– И все. Мету пресеечения для нарушителей определяют полномочные представители Дальневосточного лесного департамента компании. То есть егеря, которыми вы, возможно, станете. Возглавляет оный департамент Дымков Игорь Владиславович, проживающий в Николаевске-на-Амуре, но не разорваться же ему? Так что решать будете сами, по обстоятельствам. И отвечать за свои решения – тоже сами, причем головой.

– Вот это да!.. А это что за зверь такой дивный – ну мера пресеечения? Для нарушителей?

Григорий вздохнул:

– Или отпустите, или заставьте отработать ущерб, или по-

хороните.

Казаки быстро переглянулись, резко теряя веселый настрой.

– Да, братья, у компании все серьезно. Она никогда, запомните это – никогда не бросает своих людей в беде. И всегда находит и спрашивает с виновника. И еще запомните, как «Отче наш»³: хорошо компании – хорошо и вам. И наоборот.

– Да уж.

Петро, а вслед за ним и остальные братья покачали головой.

– А как насчет хабара?⁴ Да и будет ли он?

– Что с боя взято, то свято! Но продавать можно только компании. А насчет второго... С китайской стороны придут искатели одного очень редкого и ценного корня – вам его особо покажут. Тигра добывают, ради шкуры и требухи, пушнину, олени рога к себе тащат, крестьян обворовывают, а зачастую просто грабят. Что можно взять со спиртоносов, скупщиков золота и диких старателей, я даже и говорить не буду, чай, вы не дети малые.

Гулко пробили напольные часы в соседней комнате, словно бы эхом щелкнула крышка наручных (эко диво!) часов хозяина, и он резко закруглился:

– Ладно, думайте, а мне бежать пора. Допивайте-доедайте-

³ Молитва.

⁴ **Хабар** – добыча, трофеи с противника.

те, потом вас ждет сауна... гхм, то есть баня. А к вечеру уже и я вернусь.

У самого выхода из столовой господина главного инспектора догнал прихрамывающий Василий. Глянул на братьев, по сторонам...

– Гриш, а этот твой начальник... ну его сиятельство – он вообще как, норовом крут?

– Когда как, Василь, когда как. Но насчет вас высказался вполне определенно – мол, таким орлам любой рад будет.

Уже выходя из дома, Григорий Долгин на секунду остановился перед зеркалом, ища возможные огрехи в своем облике. Поправил галстук и невольно вспомнил, что на самом деле сказал ему командир насчет родственного пополнения: «Интересно было бы послушать байки, которые ты в своей станице трaviшь...»

По старым московским улочкам, видевшим на своем веку и Великих князей Московских, и Царей всея Руси, и даже Императоров, неспешно передвигались двое господ – старый (вернее будет сказать – пожилой) и молодой. Занятые своей прогулкой и сопровождающей ей беседой, они даже не заметили, как их внимательно разглядывает городской, развлекающийся таким вот нехитрым способом прямо на своем боевом посту. С первого взгляда и впечатления заскучавшего труженика полиции к нему приближались благодушный по причине летнего времени профессор и его любимый сту-

дент. Со второго взгляда становилось понятным, что профессор этот далеко не бедствует (впрочем, как и его спутник) и вдобавок пользуется немалым авторитетом у своих учеников – молодой человек слушал его очень внимательно, не забывая кивать в нужных местах. Ну а на третий... Впрочем, парочка подошла уже достаточно близко, чтобы к внимательным глазам присоединился не менее чуткий слух:

– Двое отказались сразу, еще семеро – в течение следующих трех дней. Но на их место почти сразу попросилось полтора десятка человек, да и сейчас время от времени подходят новые просители. В общем и целом, можно... с известными оговорками конечно же! Да-с. Так вот, я считаю, что костяк дальневосточной сельхозартели уже вполне образовался, и пора переходить к следующему этапу проекта.

«Надо же, какие слова мой порученец выучил! Формирование, этап, проект... Откуда чего и нахватался... Впрочем, понятно и откуда, и от кого. М-да, испортил я карму Валентину Ивановичу. Или наоборот, выгнул в правильную сторону?»

Александр мимолетно глянул на городского, отчего тот моментально утратил все свое любопытство и преисполнился служебного рвения (уж больно тяжел был этот мимолетный взгляд), и одобрил «переход к следующему этапу»:

– Согласен.

Со сдержанным интересом оглядев Гагаринский пассаж и красочную рекламу занимающего его целиком и полно-

стью торгового дома «Мюр и Мерилиз», славного не только качеством товара, но и удивительно хорошеньким женским персоналом, молодой промышленник равнодушно отвернулся. Но только для того, чтобы внимательно и не спеша рассмотреть здание напротив пассажа, обильно украшенное вывесками с неприметными (ага, белые буквы на черном фоне) надписями. Которые, в свою очередь, разнообразием текста не поражали, всего лишь извещая всех желающих утрудить глаза, что перед ними – «Магазинъ и фабрика Федора Борисовича Швабе». Для тех, кто неподдельно заинтересовался данным фактом, на фасаде здания имелись также дополнительные уточнения о том, что господин Швабе ко всему еще и «физик-механик, а также оптик двора Его Императорскаго Величества». Причем хороший, о чем, собственно, и свидетельствовала небольшая отдельная витринка при входе, с многочисленными благодарственными грамотами и медалями.

«Вывесок-то сколько! И везде почти одинаковый текст. Для тех, кто не понял с одного раза, что ли?»

– Вот мы и пришли, Александр Яковлевич. Так-с, начнем знакомство! Здесь расположен отдел геодезических инструментов, сразу за ним – физических, затем химических, а медицинские...

Пройдя вслед за личным порученцем в царство оптики и полированного металла, князь быстро и вместе с тем очень внимательно огляделся, почти не вслушиваясь в речь Вален-

тина Ивановича.

– Добрый день, господа! Могу ли я чем-либо вам помочь?

Приказчик, поспешивший навстречу постоянному клиенту магазина, еще на подходе изобразил учтивый поклон куда-то посередине между господином Гreve и его спутником. А когда подошел совсем близко, то получил и ответ на свое предложение, причем на чистейшем немецком языке:

– Благодарю вас, герр?..

– Вильгельм Йохман, приказчик первого класса, к вашим услугам.

Пока он в очередной раз сгибал голову и (совсем немного) спину, Александр проследил направление взгляда своего спутника. Проследил и почти незаметно улыбнулся – самыми кончиками губ.

– Еще раз вас благодарю, но нам поможет фройляйн Розенвальд.

Ничем и никак не выразив своего удивления или недовольства, старший приказчик тут же отошел в сторонку, не забыв при этом поклониться еще разок. Видимо, следуя проверенному принципу – каши маслом не испортишь.

– Ну что же, Валентин Иванович, ведите меня к своей... гм, избраннице.

Неподдельное удивление на лице мастера-оружейника и легкая тень смущения в его же глазах подсказали аристократу – он угадал. Хотя слово «угадал» в данной ситуации подходило мало. Точнее было бы – проверил и успешно под-

твердил одно из своих предположений. Ну а всякие там подозрения, двухмесячная наружная слежка и прочие некрасивые, но очень успокаивающие княжескую паранойю мероприятия были мелочами, даже и недостойными какого-либо упоминания.

– Я не вполне вас понял, Александр Яковлевич...

– Ну вы ведь именно через госпожу Розенвальд размещаете все наши заказы? Постоянный клиент и все такое прочее?

– Э?.. Да, так точно.

«Господи, он еще и краснеть не разучился! Воистину мой порученец – просто кладезь скрытых талантов. А вот и та особа, к которой он так неровно дышит. Хм?..»

Как докладывала в своей служебной записке старший делопроизводитель отдела экспедирования госпожа Зеринг – приказчица второго класса Шарлотта Розенвальд обладала как минимум двумя несомненными достоинствами. Во-первых, она была весьма хорошенькой. Причем как на фигуру, так и на лицо (что уже само по себе немало!). А во-вторых, она получила отличное образование – кое и позволило ей устроиться на свою нынешнюю должность. Можно даже сказать, что ей повезло дважды: некрасивую девушку никогда бы не взяли приказчицей на Кузнецком Мосту (больно уж место престижное), а без нужных знаний и сообразительности – в магазин приборов.

Впрочем, были у нее и отдельные недостатки. Например, в свои неполные двадцать три года Лотта была сиротой. Ма-

ло того, она была БЕДНОЙ сиротой, то есть без малейшего приданого. Вдобавок потенциальная невеста была лютеранского вероисповедания. А еще гордая. И вроде как умная. Одним словом, все эти печальные обстоятельства надежно отпугивали большую часть ее возможных ухажеров, а меньшую часть она и сама успешно отшивала, почему-то абсолютно не прельщаясь карьерой содержанки.

«Как там бишь? Проживает на Воронцовом Поле, до магазина ходит исключительно пешком. Хм, вот он, секрет ее хорошей фигуры! Часовая прогулка утром, такая же вечером, а между ними – весь день на ногах, и вместо обеда – булочка с чаем. М-да. Снимает комнату, а заодно и столуется в небогатой немецкой семье. По воскресеньям посещает Петропавловский евангелический лютеранский собор, иногда, впрочем, позволяя себе немножко прогулять это дело. Что же, общий итог – бедная, умная, гордая. Вдобавок сирота, что для моего личного оружейника есть один большой и жирный плюс. Хм, а улыбка у нее приятная...»

Александр специально приотстал, чтобы посмотреть на встречу двух... хм, одиноких сердец, – и опять-таки остался доволен. Как минимум его порученец не противен строгой и уж-жасно деловитой хозяйке небольшого отдела оптики – а это, знаете ли, открывало кое-какие интересные перспективы.

- ...как я понимаю, у вас очередной срочный заказ?
- В некотором роде, фройляйн Розенвальд, в некотором

роде.

– И в каком же, герр Грeve?

Приняв протянутый ей листок, госпожа приказчица второго класса погрузилась в его содержимое. И если поначалу ее взгляд скользил по строчкам машинописного текста легко и свободно, то чем дальше, тем больше затруднений у нее возникало.

– Что же вы, Валентин Иванович, вот так взяли и с ходу озадачили свою собеседницу?... И кстати, будьте добры, представьте меня.

Порученец князя в легкой растерянности посмотрел на начальство (причем, судя по тону, чем-то слегка недовольное), затем на моментально переставшую улыбаться Шарлотту и предупредительно кашлянул, разминая горло:

– Его сиятельство князь Агрeнев, Александр Яковлевич.

– Весьма рад нашему знакомству.

Учтливое наклонение головы и внимание в глазах наглядно подтверждали это заявление, вот только едва различимая нотка равнодушия в его голосе вносила в приветствие легкий диссонанс. Вежливость аристократов в действии...

– Хорошо. Пожалуй, теперь мы можем перейти непосредственно к интересующему меня вопросу.

Краем глаза фабрикант подметил, как старший приказчик, медленно разгуливающий по просторам торгового зала, в который уже раз сместился в их сторону.

– Моя компания осваивает новое направление... Навер-

няка вы слышали о кинематографе, не так ли?

Шарлотта непроизвольно кивнула – кто же не слышал об этом чуде! А также об очередях у касс и бешеной стоимости билетов.

– Тогда вам не надо объяснять, что компании требуются поставки оптики и ряда приборов. Особо отмечу – на постоянной основе. Что именно нас интересует и в каком количестве, изложено вот тут, пункты с первого по двенадцатый включительно.

Подождав, пока девушка еще раз пробежится глазами по листку, аристократ продолжил:

– Отдельным списком идут геодезические инструменты для топографических работ...

Греве немного повернул голову и осмотрел недлинный модельный ряд теодолитов и нивелиров.

– Кое-какие научные приборы...

Взгляд оружейника перепрыгнул на микроскопы, мимоходом задев увеличительные стекла и небольшой телескоп.

– А также мелкие партии биноклей, монокуляров и подзорных труб.

Слегка растерявшаяся от такого количества пожеланий приказчица призывно глянула в сторону начальства – и помощь немедленно прибыла. Благо что стоял старший приказчик от нее всего лишь в пяти шагах, чрезвычайно занятый осмотром витрин. Гм, на предмет возможного беспорядка.

– Господа, подобные вопросы лучше всего будет обсудить

с управляющим. Прошу вас проследовать за мной.

Дернувшегося было за князем отставного мастера-оружейника остановили негромкие и спокойно-равнодушные слова:

– Валентин Иванович, пока я буду занят, пройдитесь с фройляйн Розенвальд по списку еще раз. Не хотелось бы что-нибудь упустить.

Спустя полчаса сиятельный аристократ опять появился в торговом зале. Не один – компанию ему составляли фактический владелец торговой марки «Федор Швабе» Альберт Иванович Гамбургер и все тот же приказчик первого класса. Они еще раз коротко о чем-то переговорили, поулыбались друг другу, пожали руки и разошлись – бывший баварский подданный и временно московский купец вернулся обратно в свой кабинет, а русский аристократ Агренов и подольский мещанин Вильгельм Йохман (и такие чудеса бывают на белом свете) направились в сторону непринужденно общающихся подчиненных.

Вернее будет сказать, что непринужденно общалась одна лишь только приказчица. Сам же Грече в основном отвечал на ее вопросы, при этом старательно (и небезуспешно) делая вид, что он ну совсем-совсем на нее не смотрит.

«Этак он скоро косоглазие заработает, скромняга. Хм, пожалуй, в отношении моего порученца затейник Амур использовал не штатные стрелы, а увесистую дубинку. Или даже целый гарпун – чтобы, значит, наверняка».

– Валентин Иванович.

Порученец с готовностью отвернулся от предмета своих грез и приготовился впитывать ценные указания.

– Заказ откладывается.

Греве держался молодцом и даже не удивился столь резкому изменению планов – привык. Вот огорчение в глазах присутствовало, едва заметной тенью.

– Направьте наших стряпчих к господину Гамбургеру, для оформления договора о сотрудничестве.

Огорчение сменилось пониманием.

– Когда все формальности будут улажены, пригласите фройляйн Розенвальд в представительство компании и согласуйте с ней список первоочередных поставок.

Понимание сменилось радостным удивлением, отразившимся удивлением недоуменным в лицо приказчицы второго класса. Пригласить? Её?!

– Что же, пожалуй, на этом пока все.

Йохман тут же встрепенулся, абсолютно правильно поняв последние слова.

– Позвольте проводить ваше сиятельство!..

Закрыв за дорогими посетителями входную дверь, герр Вильгельм еще немного постоял рядом с ней. Затем глянул в сторону кабинета управляющего и только после этого вернулся к подчиненной, терпеливо ожидающей хоть каких-нибудь объяснений.

– Шарлотта... как вы, наверное, уже поняли, нам только

что предложили крупный заказ. На постоянной основе.

Видя, как задумчив главный приказчик компании, девушка осторожно уточнила:

– Это ведь хорошо?

– Это прекрасно! А то в последнее время конкуренты совсем... Кгхм. Вот только его сиятельство...

Йохман непроизвольно оглянулся на вход и слегка понизил голос – недавний посетитель произвел впечатление и на него:

– ...поставил одно достаточно необременительное условие. заключающееся в том, что все дела с его компанией у нас будет вести специально назначенный человек. Вы, Лотта.

На белой коже приказчицы второго класса выступил едва заметный румянец. От возмущения при мысли, что очередной титулованный «ухажер» посчитал ее легкой добычей! Впрочем, вспомнив тяжелый холод его глаз и неподдельное равнодушие в голосе, Шарлотта тут же засомневалась.

– А почему именно я?

– Князь сослался на лестные рекомендации своего помощника. Разумеется, дополнительные обязанности будут отражены в вашем жалованье. Заключаться же они будут в следующем...

Глава 2

Попадая в этот кабинет, люди чудесным образом менялись. Чиновники становились скромны и вежливы до необычайности, царедворцы выказывали редкую предупредительность, военные чины и гвардейцы проявляли несвойственную им в обычной жизни осторожность... Одним словом, посетители никогда не кричали, никогда не врывались без стука и отвечали на все вопросы исключительно четко и по существу. А все потому, что из окон кабинета товарища⁵ министра внутренних дел Российской империи, сенатора и генерал-лейтенанта Шебеко, по совместительству являвшегося командиром Отдельного корпуса жандармов, с необычайной легкостью можно было узреть как далекую Сибирь, так и еще более далекую Сахалинскую каторгу. При некоторой доле фантазии, разумеется.

– Кхм!

Убедившись, что внимание привлечено, адъютант коротко напомнил:

– Князь Агренов.

– Что, уже полдень?

Николай Игнатьевич слегка повел плечами и шеей, сбрасывая накопившееся напряжение, захлопнул папку с много-

⁵ До 1917 года так обозначалась должность заместителя министра.

страничным рапортом, вдумчиво изучаемым последние полчаса, и кивнул адъютанту:

– Проси.

С благожелательной миной на лице сенатор подождал, пока молодой мужчина устроится на монументальном (как, впрочем, и вся остальная мебель в кабинете) стуле, и нейтральным тоном поинтересовался – чем обязан визиту.

– Благодарю, что нашли время для того, чтобы принять меня, ваше превосходительство. Дело же мое заключается в следующем.

Оружейный магнат на секунду замолчал, слегка шевельнув пальцами, словно бы подбирая правильные слова.

– В одной из лабораторий моей компании в данный момент разрабатывается некое устройство, называемое детекторной аркой. Суть этого устройства в том, что при прохождении человека сквозь нее становится возможным определить – есть ли при нем оружие. Быстро, незаметно и без всякого обыска.

Недолгое молчание помогло замминистра собраться с мыслями.

– Так-так, любопытно-с. Но что же вы замолчали, князь, я слушаю вас со всем вниманием...

– Для того чтобы работы над аркой завершились в кратчайшие сроки, мне нужно содействие одного довольно известного электротехника. В настоящее время тот живет в САСШ, но готов немедленно выехать на родину. Его останав-

ливаает только одно – он всерьез опасается преследования с вашей стороны.

Генерал-лейтенант недоуменно вскинул брови, одновременно по давнишней своей привычке оглаживая правую бакенбарду:

– С моей?!..

– Пожалуй, я неправильно выразился, ваше превосходительство. Со стороны возглавляемого вами учреждения. Видите ли, в свое время господин Лодыгин немного сочувствовал идеям печально известной «Народной воли».

– Так!..

– К счастью, ничего серьезного за ним не числится. Ошибки молодости, не более того.

Аристократ, сам находящийся в обсуждаемом возрасте, слегка переменил позу, закинув ногу на ногу.

– Ныне же он полностью осознал всю пагубность своих заблуждений и желал бы вернуться в пределы империи, дабы работой на ее благо искупить свои невольные прегрешения. Я готов поручиться за благоразумие Александра Николаевича.

– Вы уверены, князь?

В ответ «сестрорецкий затворник» (многие называли его именно так) вздохнул:

– Лодыгин весьма сведущ во всем, что касается электротехники... Кстати, в свое время за достижения в этой области его даже удостоили Станислава третьей степени – до-

вольно редкий случай, не правда ли?

Он еще помолчал и с едва ощутимым нажимом закончил:
– Он **НУЖЕН** мне. И я, вне всякого сомнения, **СМОГУ** обеспечить его лояльность.

Теперь уже помолчал Шебеко – но только лишь для того, чтобы еще больше подчеркнуть весомость своего ответа:

– В таком случае, князь, мое ведомство не имеет никаких вопросов к господину Лодыгину.

– Благодарю, ваше превосходительство.

Николай Игнатьевич наклонил голову, принимая благодарность, и даже подумал было встать, дабы продемонстрировать свою приязнь уходящему магнату. Однако, как оказалось, это еще было не все.

– Кстати!.. Детекторная арка – не единственное, над чем работает моя компания. Некоторое время назад я задумался о массовых беспорядках или волнениях...

Взгляд хозяина кабинета на несколько мгновений стал пронизывающе-острым, а юный промышленник безмятежно улыбнулся:

– Виноват, я опять неточно выразился. Конечно же – о том, как в случае чего их пресекать. Ведь что у полиции есть на данный момент? Почти что и ничего. Тупые сабли, один-два револьвера на участок, в самом крайнем случае – несколько винтовок Бердана. Конечно, есть еще и казаки, с их нагайками, отточенными шашками и карабинами.

Генерал-лейтенант слушал с нескрываемым интересом,

машинально пощипывая многострадальную бакенбарду.

– Но согласитесь, это уже меры чрезвычайного порядка.

– Хм-хм. А вы можете предложить что-то иное?

– Специальные гранаты с очень едким дымом – довольно трудно кричать и бесчинствовать, когда легкие буквально разрываются от кашля. Защитная амуниция, в том числе и для ареста особо опасных преступников – вроде стальных наручников особо быстрого одевания. Ну и еще кое-что, по мелочи. Но уверяю вас, эти мелочи позволят сохранить немало жизней, причем как нижним чинам полиции, так и тем, против кого оные будут действовать. Опять же пресечь беспорядок с помощью казаков, с неизбежными жертвами, или же обойтись силами только и исключительно полиции, без серьезной крови и привлечения воинских частей... Разница все же существенная. Особенно в глазах общественности.

Шебеко не удержался и кивнул.

– Также у меня есть ряд новинок непосредственно для Корпуса жандармов – например, оружие скрытого ношения, небольшие переносные фотоаппараты и ряд других, крайне полезных приспособлений.

Заместитель министра внутренних дел, курирующий как полицию, так и жандармов, оставил в покое растительность на лице и деловито уточнил:

– Где и как можно будет ознакомиться со всем тем, что вы мне сейчас перечислили?

– В следующий понедельник я как раз устраиваю в Ораниенбауме небольшое мероприятие для начальника дворцовой охраны... Скажу вам по секрету, Петр Александрович весьма заинтересовался кое-какими образчиками пистолетов-карабинов. Так вот – если бы вы только сочли возможным посетить предстоящее действо или же послать доверенного человека, то можно было бы устроить наглядную демонстрацию и для вас.

Сенатор и генерал-лейтенант в одном лице ненадолго задумался, перебирая в уме запланированные дела.

– Ну что же, не вижу в этом ничего невозможного.

Посетитель тотчас поднялся и учтиво склонил голову:

– Польщен.

Хозяин кабинета в ответ не поленился встать и сделать пару шагов, обходя стол и вставая сбоку – и даже руку пожал, демонстрируя чуть ли не крайнюю степень приязни.

– Позвольте еще раз поблагодарить, ваше превосходительство, за то, что смогли уделить мне немного своего драгоценного времени.

Стоило князю уйти, как дружелюбная улыбка тотчас покинула лицо сенатора, сменившись нахмуренными бровями. Пара минут – и в дверь с легким предваряющим стуком прошел адъютант. И не один, а с очень даже объемистой папочкой в руках – была у его шефа небольшая слабость, давно уже переросшая в привычку. Любил Николай Игнатьевич после ухода очередного посетителя полистать все то,

что смогли насобирать его трудолюбивые подчиненные касательно недавнего гостя. А так как простые люди к нему не заходили, то интересным чтением он был обеспечен всегда – увы, не бывает безгрешных или хотя бы просто скучных людей. Правда, его недавний гость и здесь смог выделиться – закрыт, вернее, чрезвычайно скрытен, нелюдим, чуждается публичности и очень не любит, когда интересуются его личной жизнью. Но от интереса государственной службы его это все равно не спасло, как, впрочем, и от постоянного пригляда.

– Осмелюсь заметить, в последнем рапорте есть кое-что интересное.

– Своими словами, голубчик.

– При очередной перлюстрации писем один конверт не поддавался обычным мерам. Пар, просвечивание, тонкое лезвие, иные методы – все оказалось бессильным. Исключительный случай!

– Так.

– Ротмистр под свою ответственность приказал вскрыть конверт. Вот его содержимое, ваше превосходительство.

На стол перед Шебеко лег лист веленовой бумаги, на которой прекрасным типографским шрифтом были отпечатаны положения Всемирной почтовой конвенции. А кое-какие так даже были дополнительно обведены ярким красным карандашом, видимо, для лучшего понимания:

«...Гарантируя тайну частной переписки, участники кон-

венции принимают на себя обязательства не допускать нарушения оной».

Намек был настолько ясным и толстым, что двойного толкования не имел. О наблюдении знают, его терпят, но — до определенного предела. Который, похоже, уже близко. Если титулованный аристократ, стремительно обрастающий «тяжеловесными» связями и имеющий немалый авторитет в армейских кругах, обнародует сам факт просмотра своей корреспонденции!.. Скандал выйдет изрядным. Хуже того — с весьма неприятными последствиями, в том числе и для него.

— Так!

— Более того, в том же конверте нашелся кусочек фотографической бумаги. К сожалению, она оказалась засвечена, поэтому восстановить запечатленное на ней не представляется возможным. Я уже отослал предварительное распоряжение об «утере» письма почтовыми служащими, но если будут иные указания?..

Нельзя восстановить, а значит, нельзя и подменить — кто знает, что именно было снято на эту фотокарточку? А раз нельзя сделать вид, что никто ничего и не вскрывал...

— Так!..

Решение было быстрым:

— Цензора немедленно убрать, работу с корреспонденцией князя прекратить. Распоряжение касательно «утери» письма утверждаю.

Адъютант открыл блокнот и сделал короткую запись:

– Ротмистр?..

– В его отношении все по-прежнему. Безотлагательно разослать циркуляр о возможности обнаружения при перлюстрации вложений непроявленной фотобумаги, а также передачи сообщений с помощью этого способа. Н-да, изобретатель!.. Кхм. Далее – необходимо усилить работу по кыштымским начинаниям князя, и... пока на этом все. У вас есть что-то еще, требующее отдельного доклада?

– Никак нет, ваше превосходительство.

Аккуратно положив папку перед начальством, адъютант без промедления убыл за дверь. Шебеко же сложил пальцы в замок, положил на получившуюся опору подбородок и уперся взглядом в тисненый рисунок дубовых листьев на лицевой стороне кожаного чехла для бумаг. Николай Игнатьевич всегда считал (и не без оснований), что для того, чтобы разгадать намерения человека, так сказать – его самую потаенную суть, достаточно всего лишь понять все интересы и таланты исследуемой особы. Сложить их, отсортировать по степени важности, хорошенько все обдумать, и!.. найти тот самый «крючочек», на который можно поймать очередную «рыбку». Власть, красивые женщины, деньги, слава, положение в обществе... Древние, как сам мир, но по-прежнему весьма действенные приманки. Многие, очень многие проверили на себе их губительную сладость!

– Так-с.

К большому сожалению товарища министра, молодой Агреньев был как раз тем из немногих исключений, что лишь подтверждают незыблемость общего для всех правила. Жил подчеркнуто скромно (это при его-то капиталах!), развлечения, обычные для людей его круга и возможностей, попросту игнорировал – в карты или рулетку не поигрывал, лошадьми не увлекался, предметы искусства не коллекционировал. И что уж совсем было странно, к прекрасной половине человечества тоже особого интереса не проявлял! Одно время Николай Игнатьевич даже подозревал у оружейного магната кое-какие нездоровые пристрастия к собственному полу... Пока не выяснилось, что время от времени у князя все же появляются содержанки очень даже недурных кондиций.

Генерал-лейтенант полистал содержимое папки, изредка останавливаясь на самых занятых фактах, затем взял из специальной стопки белоснежный лист с голубоватым отливом, обмакнул перо в малахитовую чернильницу и поставил цифру один. А сразу после нее вывел: «Скромнен». Поглядел на дело рук своих и принялся негромко рассуждать, вертя перо между пальцев:

– Скромник, но при желании умеет произвести благоприятное впечатление на кого угодно. Отчего и знакомства свои заводит с потрясающей легкостью. М-да.

На бумагу легла цифра два и рядом с ней очередное слово: «Независим».

– Независим и довольно ловко ускользает от любого давления. Но опять же – при желании умеет договариваться. Вот только непонятно, почему с каким-нибудь профессором из разночинцев он вполне приветлив и может даже шутить, а с большинством дворян держит определенную дистанцию. Хм, уж нет ли тут чего-нибудь эдакого, идейного? Хотя, надо отдать должное, с полдюжины ловушек он таким образом избежал – и ведь наверняка даже и не догадывается, что давненько уже мог бы быть женатым человеком. Ха!

Подчеркнув второй пункт жирной линией и едва не поставив небольшую кляксу, сенатор стряхнул лишние чернила обратно и небрежно записал третий пункт: «Изобретательство».

Вот тут Николай Игнатьич тяжело вздохнул и чуть ли не пригорюнился. Потому что объяснить, каким образом выпускник Первого Павловского пехотного училища умудрился получить столь глубокие и всеобъемлющие знания по множеству наук, он сильно затруднялся. Физика, химия, электротехника, механика, металлургия, строительство станков... Просто кладезь талантов получается! Одно только непонятно. Чего же он их раньше не демонстрировал, например, во время учебы в Александровском кадетском корпусе? А теперь вот ну прямо как прорвало. Одна его новая взрывчатка чего стоит: в Артиллерийском комитете, поговаривают, целые дебаты развернулись!

Морское ведомство опять же интерес проявляет, и нешу-

точный – господа адмиралы на полном серьезе подумывают, нельзя ли этот его «гренил» в свои снаряды запихнуть, раз укротить чертов мелинит⁶ никак не получается. Пулеметы свои на конкурс подал, императорские оружейные заводы переустраивать по-новому хочет, винтовки направо и налево продает, причем десятками тысяч... Попробуй, тронь такого – мигом столько недовольных образуется! Правда, по молодости да неопытности князь Агренов и сам успел немало мозолей оттоптать – и промышленникам, и аристократам, и даже чиновникам. Но опять же кому из чиновничества оттоптал, а кому и потрафил изрядно – например, тем из них, кто в недавно образованную Медицинскую комиссию вошел, которая по надзору за торговлей опасными лекарствами. Разом такой клубок змей образовался! И еще один образуется совсем скоро – должен же кто-то надзирать, как именно производится модернизация заводов... Работу принимать, казенные средства отпускать, планы согласовывать, наблюдать за самым ходом переустройства... Да уж, его министерству тоже работы прибавится!

Шебеко еще раз вздохнул и опять шевельнул пером, не забыв предварительно макнуть его в чернила. Четвертым словом стало: «Честолюбив».

– Пять великих князей, не считая Михаила Александровича. Юсуповы, Нечаев-Мальцев, молодой граф Игнатьев, князь Гагарин, банкир Губонин. Чертова дюжина генералов

⁶ Пикриновая кислота, она же шимоза.

и втрое больше полковников!.. Добрая треть Главного инженерного управления, офицеры лейб-гвардии, сам военный министр, профессор Чебышев, Менделеев и под сотню его учеников. Из иностранцев тоже – сплошь и рядом настоящие «короли» от промышленности. Крупп, Тиссен, Вестингауз... И наверняка кто-то еще, такого же калибра. Еще и государыня к нему явно благоволит, а государь постоянно интересуется!.. Нет, этот юноша определенно знает, как заводить правильные знакомства.

Перо, мягко надавливая на бумагу, вывело следующее слово: «Расчетлив».

– Или же дьявольски удачлив! Хотя, пожалуй, нет – никакая удача не может длиться так долго.

Оставив одинокий лист бумаги в покое, Николай Игнатьевич бегло перечитал кое-какие страницы в папке, освежая в памяти список последних приобретений недавнего гостя. Освежил. После чего покачал пальцем увесистое пресс-папье⁷ в виде фигурки льва и в очередной раз вздохнул. Потому как у него все в тот же очередной раз возникла настойчивая мысль – о том, что молодой аристократ попросту и без особых затей скупал все, на что только падал его взгляд.

Нет, ну вот что может связывать небольшой и явно дышащий на ладан заводик по выпуску елочных игрушек, крошеч-

⁷ Один из предметов письменного набора, представляющий собой полукруглый брусок с рукояткой сверху и с прикрепляемым снизу листком промокательной бумаги – служит для промокания текста, написанного чернилами.

ную мастерскую некоего Николая Карловича Гейслера и уже довольно известный издательский дом Сытина? До недавнего времени Шебеко ответил бы не задумываясь – абсолютно ничего. Первый выделяет крашеные стекляшки с финтифлюшками, второй производит мизерными партиями пожарную сигнализацию и телефоны, да еще интересуется оптикой. Третьего же и вовсе ничего, кроме газет, журнальчиков разных да несерьезных книжек в мягкой обложке, не интересовало. А теперь!..

Теперь их крепче стальной цепи связывает ротмистр пограничной стражи в отставке, кавалер Золотого оружия и иных наград, его сиятельство Александр Яковлевич Агренев. Завод он попросту купил на корню. А к Гейслеру и Сытину взял да и вошел в дело – причем полноправным компаньоном. Учитывая же тот факт, что оружейный магнат доселе нигде, никогда и никем не был замечен в бесцельном швырянии денег на ветер, – смысл во всех этих тратах определенно был. Вот только почему же Николай Игнатьич его никак не увидит?

К примеру, взять затею князя с этими его офицерскими экономическими обществами. Кои, зародившись в одном из отрядов Четырнадцатой Ченстоховской пограничной бригады, успели за сравнительно небольшой срок расползтись и по самой бригаде, и по паре соседних. Тут все ясно – этим нехитрым ходом он обеспечивает постоянный сбыт своих стреляющих игрушек, при минимальных затратах на при-

казчиков и содержание оружейных лавок. Причем обороты будут только расти, как и количество ячеек «Общества» – господа офицеры тоже, знаете ли, не дураки и деньги считать умеют. И скидки с рассрочками любят. Очень. Что бы они там про себя ни говорили. Все просто, все понятно, смысл и интерес Агренева, что называется, налицо. Ну почему с остальным не так, а?

– Н-да, все мы люди, все мы человеки...

Решив отложить столь непростой вопрос для отдельного рассмотрения, замминистра вернул к себе лист, опять обмахнул перо в чернильницу и медленно вывел пункт номер шесть, несколько выделяющийся из ровной череды предыдущих: «Военный министр».

Никто не знал, какие именно договоренности были между князем и главой Военного ведомства, но в том, что они были, уже мало кто сомневался. Сенатор же не сомневался вовсе, так как до сих пор помнил охватившую его легкую оторопь – от известия, что на границе стоит вагон с больше чем дюжиной пулеметов системы Хайрема Максима, а в получателях значится «сестрорецкий затворник». Пятнадцать штук! Да столько во всем Военном ведомстве не было!.. Но стоило ему проявить вполне закономерный интерес, как тут же пришла официальная бумага от Петра Семеновича, в которой черным по белому говорилось, что таможня задержала все не пулеметы. А совсем даже наглядные пособия для военно-учебных заведений Российской империи – по одному

экземпляру в каждое училище. Более того, князь к каждому иностранному «пособию» присовокупил аналог собственного производства, да вдобавок поставил полсотни учебных и полсотни боевых винтовок образца 1891 года. В каждое училище. С патронами. И все за свой счет.

Совсем неудивительно, что после такого меценатства на Русскую оружейную компанию пролился дождь из очень выгодных контрактов. На поставку консервов, например. Или десяти полевых госпиталей, со всем, что к ним полагалось – от скальпелей и шприцев до клистирных трубок и кистей.

– Так!

Николай Игнатьевич вернул перо к пункту один и поставил рядом жирный знак вопроса. Какая уж тут скромность, если по результатам таких «небольших подарков» его известность среди юнкеров превышает все мыслимые пределы? Да еще эта его новая затея масла в огонь подливает:

– Как бишь там? Трем лучшим стрелкам курса – пистолет особой выделки с дарственной надписью! Гип-гип – ура! И все в восторге...

В кабинет неслышной тенью просочился адъютант. Постоял минуту, ожидая, что на него обратят внимание. Не дождался, но унывать не стал, а вместо этого скромно напомнил о своем существовании. А заодно и о том, что служба службой, а обед никто не отменял:

– Кхм!

Донн! Донн!! Донн!!!

– Что? Ах да. Иду, голубчик, иду.

Бросив едва-едва исписанный лист между страничками папки, генерал-лейтенант Шебеко оглядел кабинет и тихо проговорил, пощипывая бакенбарду и еле заметно вздыхая:

– Как же с вами все-таки сложно иметь дело, Александр Яковлевич!

Меж тем сам князь, как только покинул присутственное место и ступил на набережную Фонтанки, сразу же замер в легком раздумье. Ибо до отправления вечернего поезда на Сестрорецк было почти пять часов, и это время надо было чем-нибудь занять. Желательно – полезным. Мелькнули было мысли-воспоминания о пленительных округлостях Натальи, которая ко всем своим достоинствам оказалась еще и очень темпераментной особой... Но быстро исчезли. Во-первых, он уже изрядно «проинспектировал» как достоинства, так и округлости бывшей горничной, причем не далее как нынешним утром. А во-вторых, трехэтажная громада министерства внутренних дел за его плечами как-то не способствовала фриivolности чувств, самым своим видом настраивая на деловой лад. Ну а раз так!..

«Пожалуй, можно немного выправить свою аристократическую карму, отработав пару-тройку приглашений. Начну я с посещения графа Строганова, продолжу... Тенишевы или Кочубеи? Наверное, все же последние. А закончить сей

променад можно и у Юсуповых. Да, так и сделаю!»

Подняв взгляд на ближайший экипаж (понятливый кучер мгновенно шлепнул коня по крупу вожжами, направляясь к денежному клиенту), аристократ-промышленник поправил слегка задравшийся рукав сюртука. А усевшись в пахнувший свежим лаком фаэтон, опять погрузился в раздумья – только на сей раз о другом.

Короткая и по большому счету довольно скучная церемония представления ко двору кроме больших и явных плюсов принесла Александру маленькие, но на удивление неудобные минусы. В частности, сразу после нее на его столичную квартиру зачастили лакеи родовитейших и знатнейших семейств империи. И не просто так, а с открытками-приглашениями или просто визитками своих хозяев, которых, честно говоря, уже давненько интересовал молодой, богатый и – самое главное – неженатый князь. Вот только если до посещения Гатчины их интерес был насквозь неофициальным и настороженным, то после короткой встречи Агренева с августейшей четой стало вполне приличным и даже отчасти модным пригласить новичка к себе. Так сказать, чайку погонять (пузырящегося такого, из местечка Шампань), приятно пообщаться (то есть посплетничать) – а заодно составить собственное мнение о перспективности продолжения знакомства.

К счастью, большую часть таких приглашений можно было игнорировать – разумеется, предварительно написав

письмо с объяснением причин своей чрезвычайной занятости и не забыв пообещать «как только, так сразу». А вот меньшую часть приглашений приходилось принимать – причем вне зависимости от своего желания.

Как отказать в коротком визите к тем же Нарышкиным, если они вполне официально считаются родственниками Дома Романовых?⁸ Этот род в свое время отказался от графской короны на свой герб, вполне обоснованно посчитав, что онный титул ниже их реального положения и достоинства в империи Российской. Таких проигнорируешь, как же! Себе дороже выйдет. А еще были Воронцовы-Вельяминовы, Воронцовы-Дашковы (кстати, просто Воронцовы тоже были, причем в немалом количестве), князь Барятинский, Шереметевы, обширное семейство Оболенских, представители рода Голицыных, Лопухины, Трубецкие и многие, многие другие достойнейшие и влиятельнейшие представители понастоящему СТАРЫХ фамилий. Корнями своими уходящих еще к первой династии властителей царства Московского. А кто и подалее, считая свой род аж со времен Киевской Руси – те же Долгоруковы, например. Все эти потомственные политики и царедворцы (правда, справедливости ради надо отметить, что и военачальники в этих родах попадались, причем чуть ли не через одного), искушенные по части недомолвок и намеков, свято блюдушие для начала свои, а только

⁸ Мать первого императора Всероссийского Петра Первого – Наталья Кирилловна Нарышкина.

потом государственные интересы. Все они, все без исключения – желали лицезреть загадочного князя у себя как можно скорее, дабы оценить и по мере возможности включить (то есть использовать) эту неизвестную пока величину в свои расчеты и расклады. Осторожные расспросы, замаскированные как бы праздным любопытством, многозначительные, но при этом очень дружелюбные и открытые улыбки, тончайшие намеки – особенно в доме князя Владимира Барятинского, счастливого отца трех дочерей. Слава богу, пока относительно малолетних – но это только пока!

Надо сказать, каждое такое «скольжение по верхам» отнимало у Александра сил как бы не больше, чем полноценная тренировка на полигоне – причем как минимум с половинным составом отдела экспедирования зараз. А уж сколько на это уходило времени!.. Которое бы он и рад был потратить на что-нибудь попроще (и полегче) – но, увы, раз груздем назвался, так место твое в корзине. То бишь в том самом пресловутом «обществе», чье коллективное мнение могло почти любого как вознести до небес, так и втоптать в грязь. Но даже в этих неудобствах были светлые моменты – особенно если во всем искать если не хорошее, то хотя бы полезное, а еще работать и думать на перспективу. Которая определенно была, ведь некоторая часть старой знати располагала состояниями ничуть не меньшими (вернее, даже большими), чем у него – и было бы настоящим преступлением не попытаться использовать их деньги в своих про-

ектах. Хотя бы потому, что вместе с деньгами знатных фамилий придет и защита для этих самых проектов, причем на самом высшем уровне – разумеется, если он сможет обеспечить хорошие дивиденды с каждого вложенного рубля.

Именно об этом думал (вернее, мечтал) его сиятельство князь Агренов, высаживаясь из очередного фаэтона как раз напротив семейного дворца Юсуповых – и если первые два визита он именно что отбыл, то третий был ему вполне приятен. И тем, что был последним, и тем, что хозяйка дворца была ему симпатична: в первую очередь своим умом, а во вторую – своим отношением. Зинаида Николаевна для великосветской дамы была на удивление открыта, почти правдива (что не раз уже ему помогло) и не имела к нему каких-либо матримониальных либо же финансовых интересов. Ну и третье тоже не стоило сбрасывать со счетов, ибо ему попросту нравилось любоваться хозяйкой как истинным шедевром природы. Вот только в этот раз усладить свои глаза и слух не получилось – потому что в Гобеленовой гостиной навстречу раннему, но вполне желанному гостю из глубокого кресла поднялась совсем не графиня Сумарокова-Эльстон.

– Рада вас видеть, Александр Яковлевич.

Двенадцатилетняя княжна Юсупова приветливо (и явно подражая сестре) улыбнулась, отодвигая от себя большой альманах с видами городов. Целовать ей руку пока не полагалось, но взрослый аристократ о такой важной мелочи «нечаянно» забыл – тем более что ему это ничего не стоило,

а девочке явно польстило (как же, такой откровенный намек на ее взрослый возраст!). Как, впрочем, и вежливые слова ответного приветствия, прозвучавшие без малейших ноток снисходительности и нетерпения.

– Как здоровье Николая Борисовича?

– Благодарю, все хорошо.

Обычный вежливый вопрос, один из обязательных к произношению в самом начале беседы – вот только во время не менее обязательного ответа на личико юной княжны набежала едва заметная тень.

«Неужели все так плохо?»

– Все ли благополучно у Зинаиды Николаевны и Феликса Феликсовича?

– Более чем, князь.

В этот раз ответ был по-настоящему спокойным. Но никак не отменял того факта, что верная и любящая жена, всегда сопровождающая мужа во всех его поездках, вот уже полгода безвыездно сидит в родовом гнезде на Мойке.

«Граф в старой столице, трудится адъютантом у брата императора, его высочества великого князя Сэргей-Гм, Александровича. А старшая из сестер Юсуповых осталась в Санкт-Петербурге, с отцом. Которого уже давненько никто не видел стоящим на своих двоих. Тревожный признак!»

– Приятно, когда в делах такого рода сохраняется неизменное постоянство...

Спустя десять минут разговора, более всего напоминаю-

щего обычный светский треп (с поправкой на разницу в возрасте собеседников), Александр окончательно утвердился во мнении, что он болван. Кхм!.. Точнее (и вернее) будет сказать, что его встреча и общение с маленькой светловолосой хозяйкой большого дворца были совсем не случайны, и в данный конкретный момент его используют в качестве живого, и заведомо дружелюбного учебного пособия. Этакой «груши» для отработки навыков великосветской жизни, на которой двенадцатилетняя аристократка оттачивает и закрепляет весьма полезное во взрослой жизни умение – разговаривать с кем угодно и насчет чего угодно, да еще и демонстрировать при этом неподдельный интерес к собеседнику.

Конечно, до высочайшего уровня сияющей жемчужины имперского дворянства, несравненной Зинаиды Николаевны ей было пока далеко – но со временем она явно обещала догнать, а возможно (чем черт не шутит?) и перегнать сестру. Как по уму, так и по внешности. По крайней мере, все задатки для этого у нее явно имелись...

«Потренировав» Надежду еще четверть часа в чрезвычайно важном для любого аристократа искусстве долгих разговоров ни о чем, гость на секунду замолчал, беря паузу, затем неожиданно заинтересовался:

– Увлекаетесь видами будущего?

Видимо, до таких «плавных» переходов с темы на тему учебная программа младшей Юсуповой пока еще не дошла –

замерев без движения, княжна пару раз моргнула. А затем неуверенно улыбнулась, проследив взгляд взрослого мужчины, направленный на стопочку открыток, лежащих на столике рядом с альманахом. С очень интересным названием, кстати, оказалась книжка – «Архитектура итальянских городов». А под ней лежал другой томик, еще более интересный – «Двадцать тысяч лье под водой», за авторством Жюль Габриэля Верна.

«Занятный набор книг для легкого чтения».

Впрочем, открытки тоже были по-своему замечательны: во-первых, тем, что появились на свет в далеких Франции и Англии, а во-вторых, тем, что на них были изображены, ни много ни мало, картины будущего. Вернее, представления о том, каким оно будет, для жителей Туманного Альбиона и солнечной «вив ля Франс» всего лишь двести лет спустя.

– Немного.

– Вы позволите?

Стопка покинула стол, на секунду задержалась в тоненьких холеных пальчиках и наконец перешла в мужские руки, украшенные весьма странными мозолями – Впрочем, едва заметными.

Картинки князя явно впечатлили. Экипажи без коней (но с обязательным кучером), приводимые в движение небольшими двигателями (судя по характерной трубе с выходящим дымком – паровыми), черными реками двигались по улицам Лондона. Высоченные десятиэтажные здания, с крыши ко-

торых во все стороны вели подвесные рельсы для метрополитена, и толпы глазающих на все это дело прохожих, одетых в легкие летние фраки и сюртуки... В небе над ними можно было различить разноцветные монгольфьеры, кое-где даже снабженные рекламой на весь купол и чахленьким винтом позади пилотской корзины – привод которого, надо полагать, тоже питался от пара. Хм, ну или был педальным. А на предпоследней открытке можно было увидеть, как по Сене, разделяющей Париж на две части, плыл корабль такого титанического размера, что кончик башни Эйфеля еле-еле доставал ему до среднего ряда иллюминаторов. Надпись на обороте этого шедевра графики витиеватыми завитушками поясняла, что это ни больше ни меньше как торговый КРЕЙСЕР – видите ли, после скорого всемирного договора о запрещении войны военный флот тут же будет упразднен. За полной и абсолютной ненужностью.

«Ага, верю. Уж старая добрая Англия точно рвется упразднить, как и ее бывшая колония под названием САСШ. Наверняка спят и видят, чтобы все остальные страны свои броненосцы добровольно и с песнями на металлолом разобрали».

Надежда, внимательно наблюдавшая за лицом, а в особенности за взглядом своего гостя, подметила, как серьезное выражение его глаз сменилось вначале озадаченностью, а потом и вовсе откровенной смешинкой. Подметила и немножечко обиделась такой неприкрытой насмешке над своим увлече-

нием. А потом опять растерялась, услышав:

– Надя, вы умеете хранить тайны?

– Да...

– Хотите, я расскажу, каким оно будет, это самое будущее?

Личико юной аристократки заметно вытянулось в удивлении, а в глазах запылал осторожный огонь любопытства. Но простого согласия в виде наклона головы князю оказалось явно недостаточно, и она догадливо произнесла:

– Обещаю, все останется между нами!

Перетасовав открытки на манер игровой колоды, Александр вытащил одну из картонок и передал ее хозяйке. Глянул на изображение и улыбнулся:

– Крупные города разрастутся неимоверно, и редко какой из них сможет похвастать количеством жителей МЕНЬШЕ двух-трех миллионов. Высокие дома-башни будут, но не в жалкий десяток, а как минимум под тридцать этажей – земля в столицах никогда не бывает дешевой. А вот поезда все как один уйдут под землю – по той же самой причине. Станет мало зелени парков и скверов, почти исчезнут пруды. Взамен придут бетон, сталь, стекло и асфальт – увы, такова плата за прогресс.

Следующая открытка вызвала новую улыбку:

– Лошади действительно повсеместно исчезнут с улиц. Пришедшие им на смену самобеглые экипажи поименуют автомобилями, вот только двигать их будут не пар, а нефть

и электричество. Да и вид у них будет абсолютно другой... Как и одежда простых обывателей – тут ведь изображены именно они, я не ошибаюсь? Дамские платья станут заметно открытее и короче, еще больше подчеркивая женскую красоту, а вот мужчины в своих вкусах останутся немного консерваторами.

Княжна слушала гостя так внимательно, что даже не заметила, как непроизвольно подалась ему навстречу. Столько интересного сразу ей еще никто ни разу не говорил!

– Что там дальше – воздух? Увы, художники ошиблись, и монгольфьеры в будущем будут всего лишь красивой диковинкой. Так, для развлечения публики на праздниках, и не более того. В небе безраздельно будут царить совсем другие аппараты, не легче, а намного тяжелее воздуха, и называть их станут самолетами. Ну или аэропланами, тут уж кому как удобнее. Кстати, управлять ими будут в том числе и дамы – а уж за рулем автомобилей они и вовсе будут сидеть в превеликом множестве...

«Пророк» рассказывал еще минут пять, совершенно очаровав любительницу знаний о грядущем. И вещал бы и дальше – если бы не заметил, как бесшумно приоткрылась дверь гостиной, пропуская дворцовую прислугу. Подошедший лакей почтительно поклонился всем и никому сразу (то есть в пустоту между хозяйкой и гостем) и тихим голосом выдал очень оригинальную фразу:

– Ее сиятельство примет ваше сиятельство в Мавритан-

ской гостиной. Прошу за мной.

— Ну что же. Как-нибудь при случае мы непременно продолжим наш разговор, Надежда Николаевна. Примите мое почтение...

В этот раз гость про тонкости этикета не забыл, обозначив всего лишь легкий намек на поклон. Следуя за лакеем, Александр дошел до двери — и, подождав, пока седовласый слуга выйдет прочь, обернулся и прижал указательный палец к губам, напоминая:

«Тайна!...»

Иногда бывало так, что, возвращаясь с долгих приемов или балов глубокой ночью порою в свою столичную квартиру... ну или (что было гораздо чаще) очень-очень ранним утром, прямиком из гостеприимных офицерских собраний лейб-гвардии Измайловского или Семеновского полков (а в последнее время иногда получалось попить шампанского и с кавалергардами, среди коих князь планомерно заводил знакомства), его сиятельство Александр Яковлевич Агренин первым делом шел не в душ, смывать с себя накопившуюся усталость. И не в спальню, под бочок к разметавшейся во сне и оттого еще более соблазнительной Наташе, с целью спокойно (хм, ну или активно) отдохнуть после долгого «вращения» в великосветском обществе. Нет, первым же делом, только-только переступив порог своего скромного (а в сравнении с дворцами Юсуповых или Шереметевых еще и удивительно нищего) жилища, молодой аристократ шел в кабинет.

Где доставал из сейфа блокнот и быстро записывал все то полезное, что выловил из коротких разговоров, мимолетных намеков и даже отдельных фраз, адресованных явно не ему. Кто сказал, что подслушивать нехорошо? Очень даже хорошо, а еще весьма полезно. Ах, какие занятные истории ложились на сероватую бумагу обычного канцелярского блокнота! Невинные шалости замужних дам и их не менее верных (три раза «ха-ха») мужей, насыщенная постоянными интригами жизнь императорского двора, перестановки и новые назначения в Военном ведомстве, удивительно затейливые пари гвардейских офицеров – а также многое, многое другое...

Отдельной строкой шли интимные подробности про великих князей Дома Романовых – благо что их императорские высочества практически ни в чем себя не ограничивали. Гм, искренне (а кое-кто и с немалым размахом) наслаждаясь всеми доступными радостями жизни. Как, впрочем, и их ближнее окружение, неутомимо соревнующееся в интригах, активном протектировании молоденьких «кобылок» из Императорского Большого театра (ну или юных адъютантов выдающихся статей – сердцу ведь не прикажешь), собирании коллекций живописи, устройстве балов и прочих, исключительно важных и полезных делах. Да-с!

Но иногда случалось так, что привычный порядок нарушался. Нет, Александр все так же приходил в кабинет, усаживался в кресло, но вместо обычных занятий чистописанием – просто смотрел на умеренно большой портрет сво-

его августейшего тезки, висевший на самом видном месте. Кстати, весьма хороший портрет, кисти Василия Верещагина, родного брата маньяка от сыро- и маслоделия Николая свет-Васильевича. Тоже, разумеется, Верещагина. Хм, такой вот занятный выверт судьбы получался – оба брата связали свою жизнь с маслом. Только старший больше интересовался маслом сливочным, неустанно улучшая и изобретая новые сорта. А младший был более равнодушен к растительному маслу (хотя и сливочное частенько употреблял, за завтраком и обедом) – особенное же пристрастие питал к льняному и конопляному, коими обыкновенно и разводились все его краски.

– М-да.

Устало потянувшись прямо в кресле, князь ослабил, а потом и вовсе снял тугую удавку нашейного платка. Затем привычными движениями «выщелкнул» из манжет золотые запонки, добавил к ним жилеточные часы с цепочкой и небольшим брелоком, небрежно бросил получившуюся кучку драгоценного металла на стол перед собой и еще раз потянулся. Плавным шагом переместился к окну, попутно скидывая с себя надоевшие сюртук и жилетку, в два касания распахнул массивные дубовые створки и глубоко вздохнул, наслаждаясь ночной прохладой. Взлохматил тщательно уложенную прическу, длинно-длинно выдохнул и вернулся мыслями к недавнему рауту, устроенному одним из представителей многочисленного рода князей Голицыных. Точнее,

к неожиданной новости, чуть ли не мимоходом проскользнувшей во время довольно-таки продолжительного общения с гостеприимным хозяином.

Морское ведомство Российской империи уже давно мечтало о строительстве нового, незамерзающего порта и регулярно поднимало этот важный вопрос в своих ежегодных верноподданнических докладах на высочайшее имя. Так регулярно, да с такой настойчивостью и убедительностью, что в конце года одна тысяча восемьсот девяностого от рождения Христова самодержец Российский не выдержал, плюнул и согласился. Кхм. В смысле – всемилостивейше повелел рассмотреть столь назревшую проблему на ближайшем заседании Морского комитета. Который, помимо всего прочего, должен был решить, где именно вырастет новая база флота. А заодно и определить примерную стоимость всего этого «небольшого» удовольствия.

Это, можно сказать, была только присказка к новости. Сама же новость заключалась в том, что не так давно все изыскания на тему подходящего места были закончены, и к вниманию комитета оказалось представлено аж целых два варианта размещения нового незамерзающего порта. Известия эти были важные, интересные, но, как бы это правильнее и точнее сказать... Оставившие молодого аристократа в полнейшем равнодушии. До тех самых пор, пока общительный хозяин раута не поделился с собратом по титулу еще одной весьма занимательной сплетней. Насчет того, какие жаркие

и острые словесные баталии развернулись в Адмиралтействе касательно того, где именно встанет новая база флота. Не забыл князь Голицын упомянуть и про раскол отважных мореходов на два неравных лагеря.

В первом, и самом большом, сердца отважных адмиралов сладко пели при одном только слове – Либава. От столицы относительно близко, на месте уже есть кое-какие постройки, сравнительно недалеко присутствует железная дорога, да и климат такой, что просто чудо... Казалось бы, ну что тут думать и сомневаться? Тем более что выразителем их чаяний и надежд выступал САМ глава Морского ведомства, генерал-адмирал флота Российского великий князь Алексей Александрович. Однако же нашлись и такие вечно чем-то недовольные личности. К примеру, исполняющий обязанности главного инспектора морской артиллерии контр-адмирал Макаров с чего-то был расстроен тем незначительным фактом, что от Либавы до границы меж империей и Вторым рейхом – чуть менее тридцати верст. К тому же его не устраивал тамошний низкий берег, малые глубины, подвижный песок, плохие условия для обороны сухопутной крепости...

Одним словом, все эти мелкие, но вполне преодолимые трудности. К молодому контр-адмиралу присоединял свой голос министр путей сообщения господин Витте – Сергей Юльевич с чего-то вдруг взял и резко обеспокоился возможным недовольством Германии. Приводя при этом поистине странные аргументы. Например, что строительство

порта и крепости станет целесообразным лишь в случае планов наступательной войны и на суше, и на море, что является чрезвычайно наглым вызовом западному соседу. Ну не смех ли – слушать такое от насквозь гражданского штафирки? К сожалению, государь отчего-то весьма благоволил своему министру, причем настолько, что почти без раздумий одобрил его весьма сомнительную идею – поискать что-нибудь подходящее в Архангельской губернии. А минфин, пользуясь такими благоприятными условиями, действовал чрезвычайно энергично и расторопно, за крайне ничтожный срок изыскав-таки возможность изрядно подгадить Морскому ведомству. Тем, что предложил его императорскому величеству устроить новый и крайне необходимый империи незамерзающий порт аж на побережье Мурман⁹. Конкретнее – в Екатерининской гавани, расположенной у самого входа в Кольский залив. Хорошенькое место, ничего не скажешь: дорог к нему нет (причем вообще никаких), всего пара мелких деревушек в окрестностях, а погоды там по большей части стоят такие, что даже Сибирь кажется приятным курортом. И как будто и этого было мало, министр-интриган предложил назвать будущую крепость и город при ней Романов-на-Мурмане. Вот так вот-с!

Небольшой слух, ничтожная сплетня из жизни сильных мира сего – но после него молодой Агренов перестал наблюдать за лицами и разговорами в обществе, погрузившись

⁹ До 1917 года – название северного побережья Кольского полуострова.

в свои несомненно важные размышления. Впрочем, общество этого тактично не заметило – во-первых, время было уже достаточно позднее, и все несколько подустали. А во-вторых, некоторая эксцентричность князя была им уже знакома и привычна. Тем более привычна, что для большинства присутствующих он стал своим – а значит, имел право на мелкие и вполне простительные недостатки. Сам же князь весь остаток раута и всю дорогу домой мучительно ворошил свою память, пытаясь понять – почему он, будучи когда-то школьником, а затем и студентом, никогда и ничего не слышал о базе флота в Либаве. И почему предложенное хитроумным министром финансов название порта в Екатерининской гавани удивительно схоже с вполне памятным ему городом-портом Мурманск.

«Черт, от всех этих размышлений скоро мозги расплавятся! И чего вдруг меня эти мореманские дела так зацепили?»

Разум на это ответить не мог (да и не особо-то и пытался, по причине общей усталости и позднего времени), а вот интуиция беспокойно шевелилась и зудела, тихонечко нашептывая что-то такое... неопределенное и непонятное. Плюнуть бы на все эти дела да забыть – вот только не для того он возвращивал и нежно лелеял свое предчувствие, чтобы затем резко от него отказаться.

«Ладно, день был длинный, вечер тоже удался. Да и утро будет, хе-хе, тоже неплохим».

Пальцы молодого мужчины мягко изогнулись, словно бы

поглаживая что-то волнующе-упругое и при этом приятно-шелковистое. Вроде женского бедра, например.

«Да и вообще – чего это я гадаю да прикидываю? Когда у меня такие славные господа имеются, как Горенин и Купельников. У первого, кстати, уже и опыт кое-какой в делах подобного рода есть. И аналитический центр скоро появится... Гм, вернее, зародыш онго – когда еще из вчерашних студентов-математиков вырастет что-то путное?.. М-да. Хм, зато у второго из них нужного опыта хоть отбавляй, вдобавок имеются настоящий охотничий азарт и немалый клык на всех казнокрадов в больших чинах. И не важно, в каком ведомстве или министерстве оные заседают – Иван Иванович ко всем одинаково внимателен и предупредителен, хе-хе».

Собственно, этим и соблазнил отставного жандарма змей-искуситель по фамилии Агренов. Всего-то предложением создать и возглавить в компании небольшой отдел по выявлению и пресечению излишнего интереса... гм, всяких там любопытных личностей. Надо сказать, что список тех самых личностей Купельников прочел **ОЧЕНЬ** внимательно, изредка посверкивая глазами на некоторых высоких и известных титулах. Да и заграничные фамилии чрезмерно любопытствующих личностей, вроде Тиссена или Круппа, тоже не оставили его равнодушным. Опальный офицер подумал, задал несколько вопросов... Гм, десятков вопросов. И тут же, не сходя с места, дал свое согласие.

«Ничего, коготок увяз, хе-хе, – всей птичке пропасть. Горенин тоже вон поначалу многое в штыки воспринимал. А как с первого вора стряс все, что только можно и нельзя, да увидел, как на эти деньги ремесленное училище для ребятни отстроили, – сразу такое понимание открылось!»

Надо сказать, что со временем Аристарх Петрович уже и самостоятельно начал по сторонам поглядывать, причем с нехорошим таким прищуром. Оценивающим. Уж больно понравилось господину главному аудитору чувствовать свою сопричастность к открытию компанией новых училищ или школ, рабочих курсов, ну и всяких там лазаретов. И кому, как не ему, было знать, сколько имеется потенциальных спонсоров в одной только Москве!

Легкое дуновение воздуха принесло с собой тонкий запах лаванды, до слуха сиятельного мыслителя донеслись легкие шаги, а затем на его плечи легли ухоженные женские ручки. Провели полированными ноготками по шее и щеке, опять вернулись на плечи, начав их сжимать и отпускать – на манер большой кошки, решившей поточить коготки.

– Мрр!..

Удивительно сильные пальчики вдумчиво прошлись по плечам и предплечьям, уделили внимание шее, тонкими змеями скользнули под вроде бы застегнутую на все пуговички рубашку... Александр от всего этого массажного произвола лишь тихо блаженствовал, все больше и больше растекаясь в сладкой истоме.

– Мрр...

Обогнув кресло, Наталья еще дальше отодвинула желтую горку металла, освобождая место под свои упругие роскошества, после чего ими же и уселась на стол. Поправила поясок, так, что он еще больше ослабел, затем дотянулась красивой ножкой до мужского бедра и легонько коснулась, поглаживая:

– Котик устал?

От ее низкого грудного голоса организм «котика», вроде как уставший и еще пять минут назад отчетливо намекавший на необходимость немножечко поспать, прямо на глазах наливался бодростью и желанием. Тем более что одна пола халата сама по себе поползла вниз, открывая прекрасный вид на атласно-белое бедро – где уж тут спать, если и до постели дойти некогда?

– Ай! Котик – шалун...

– Хозяин, там к тебе эти пришли.

Вологодский купец второй гильдии на такую новость даже и головы не поднял, продолжая сосредоточенно пересчитывать мятую пачку банкнот. Мало ли кому он понадобился?

– Осьмнадцать, девятнадцать, двадцать. Угум, пять сотен и двадцать рубликов...

Записав соответствующие цифры в толстую книгу-гроссбух и убрав деньги в потертое от частого использования портмоне, он без особо интереса уточнил:

– Кто «эти», Митяй?

– Ну эти.

Дальний (даже не седьмая вода на киселе, а где-то двадцатая) родственник Вожина, состоящий при нем кем-то вроде денщика и помощника разом, на мгновение запнулся. Поднял было руку, почесать в затылке, но все же вспомнил нужное слово:

– Граборы¹⁰, вот!

– Ну так давай их сюда.

Минут через пять в небольшой комнатушке, используемой Савватеем под контору (скорей бы уже закончили отделять его новый дом!), стало очень тесно: сразу трое старшин артелей землекопов пришли получить честно заработанную денгу.

– Наше почтение Савватею Елпифидорычу!

– И вам того же, уважаемые. Митяй, ну-ка живенько сообрази там, чего надо!..

Граборская старшина без лишнего жеманства приняла на грудь по стопке крепкой и духовитой рябиновки. Довольно крякнула, после чего двое дружно захрустели малосольными огурчиками, а третий, с некоторым сомнением понюхав упругую пупырчатую закуску, все же решил не портить послевкусие от столь божественного напитка.

¹⁰ Профессиональные землекопы, способные и большой котлован под фундамент выкопать, и самый настоящий парк с прудом, кустарником и фонтанами разбить.

– Мирон Иванович. Прошу, с моей благодарностью.

Грубые мозолистые пальцы землекопа, с намертво въевшейся черной каемкой под толстыми ногтями, бережно приняли тоненькую стопку десятирублевых банкнот. Взвесили, положили на стол и с удивительной ловкостью пересчитали.

– Благодарствуем, хозяин.

– Фома Ильич, прошу, с моей особой благодарностью.

Процедура взвешивания и пересчета денег повторилась от и до, вот только на этот раз пара красненьких бумажек так и осталась лежать на столе:

– Ошибка вышла, хозяин. Мы люди честные, нам чужого не надобно...

– Так я же сказал, Фома Ильич, – с особой благодарностью, так что ты уж меня не обижай, прими.

Разумеется, обижать работодателя не стали.

– Ну и Зосим Иванович. Прошу.

Последняя пачка десятков даже на вид была заметно тоньше своих предыдущих «товарок». Да и принимать ее третий артельный как-то не спешил, покашливая и побряхтывая в сомнениях да раздумьях. Впрочем, их быстро развеяли:

– Как сделаете все, на что уговаривались, так и остальное получите.

Старшина переглянулась и удивительно дружно огладила свои густые бороды – возразить было нечего (да и не хотелось по большому-то счету). Обсудив пожелания заказчика на следующий год и заполировав достигнутое согласие новой

порцией рябиновки, жилистые граборы степенно попрощались и ушли радовать своих подчиненных. Причем как честно заработанными деньгами, так и известиями о том, что на ближайшие года два-три (а то и более) без заказов они не останутся.

– Митяй!

Только было хотел почтенный негодичант славного города Вологды распорядиться о том, чтобы закладывали бричку – как минимум час в день он посвящал инспекции губернского перерабатывающего центра, здания и лабазы которого росли прямо на глазах (уступая в этом только стенам будущего Большого Вологодского пассажа), как к нему пожаловал очередной посетитель. Или проситель – это уж с какой стороны поглядеть...

– Кормилец, как же так? За какие такие грехи ты нас так сурово наказываешь?

– А помнишь ли ты, Евласий, что есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать?

Старший маслодел четвертой бригады от такой встречи невольно подался назад, а потом и вовсе перекрестился:

– В церкви поп... говорил. А что?

– Согласен ты с тем, что любая работа должна быть оплачена?..

– Как же! Это да, согласные мы. Во всем.

– Еще б ты был против, хе-хе... Кхем. Кха!

Купец громко прочистил пересохшее горло.

– На прошлой неделе прибыла из твоей маслобойни дюжина бочонков масла. Стали его перевешивать да осматривать, глядь – а среди сливочной благодати два булыгана нашлось, фунта¹¹ на три-четыре каждый. Значица, это ты камни разбросал. А я собрал, о чем и бумага от кладовщика имеется, кой их лично из бочонков вытряхивал. Не веришь бумаге?.. Так и свидетели тоже найдутся. Вот по всему и выходит, что тебе штраф, а мне денежка, за труды.

– Не могли мои бабы такое утворить!

– Да мне без интересу, кто именно у тебя там такой хитрозадый. Печать на бочонках – четвертой артели? Подпись в бумагах – твоя? Или будешь заливать, что каменюги тебе лихие люди подбросили, а масло скрали, прямо по дороге? А может, возница тару подменил?

Маслодел на требовательный взгляд лишь уныло помотал головой.

– Ну и что ты от меня тогда хочешь, Евласий? Штраф меньше сделать? Так ты же знаешь правило – ежели меня из-за вас на рубль «дергают», то я за то с виновника все три снимаю. Чтобы впредь неповадно было. А теперь как на духу – подкладывали булыганы для веса?

– Да что ж мы, совсем дурные? Ну вот те крест, кормилец, нет на мне вины!

Савватей осуждающе покачал головой и цыкнул зубом, прекрасно уловив переход от «невиноватые мы» на «я здесь

¹¹ Один фунт равен 0,453 кг. Почти полкило, если приблизительно.

ни при чем!».

– Эх вы, не цените, когда к вам всей душой... Еще раз такое повторится, артельный, я с вами со ВСЕМИ по-другому разговаривать буду. Или вон сторожам поручу выяснить, кто это такой умный завелся. Уж они-то вам живо объяснят, что на каждый хитрый зад есть кое-что с винтом. Все ли понял? Ну тогда иди себе с Богом, не доводи до греха...

Проводив проштрафившегося бригадира, Савватей раздосадованно сплюнул в очень кстати подвернувшийся горшок с какой-то чахлой зеленью, спохватился (не видит ли жена?) и опять едва не плюнул – где он, а где Марыся?! Да уж, совсем замотался со всеми этими переездами да торговыми заботами!

– Митяй, где ты там, бездельник?

Поначалу-то он хотел отстроить новый дом в Грязовце, а потом пораскинул мыслишками, посоветовался с умными людьми – и надумал, что раз уж пошла такая пьянка, то перебираться надо не в уездный город, а сразу в губернский. То есть в Вологду. И уважения больше, и дела проворачиваются куда как быстрее. Опять же знакомства с другими купцами легче сводить... Вспомнив своих сотоварищей по торговой стезе, Савва все-таки не удержался и сплюнул, едва не попав мимо горшка: вот же индюки надутые! Сами второе-третье поколение от крестьян, а поди-ка ты, выскочкой да «скороспелком» его кличут. Не в глаза, понятное дело, – лицом-то к лицу они улыбаются, в гости приглашают, само-

чувствием интересуются. Как стал многими тыщщами воро-
чать, так сразу и озаботились его «драгоценнейшим здоро-
вьечком» да планами на замужество единственной наслед-
ницы. И подходцы-то все такие, что сразу и не поймешь, что
к чему – тут слово, там легкий интерес... А вот хрен им, да
на все рыло! Поди, благодетель его Ульянке такого жениха
найдет – в Вологде все от зависти удавятся!..

– Хозяин, там до тебя люди пожаловали, с бумагами
от компании.

– Бумагами, олух.

Машинально поправив помощника, Савва самокритично
вдохнул – давно ли он сам перестал быть таким вот «дярёв-
ней»?

– Сейчас спущусь. А ты пока распорядись, чтобы бричку
заложили.

Во дворе арендованного под контору домика (небольшо-
го, зато почти в центре города!) губернского представите-
ля Русской аграрной компании терпеливо поджидали сразу
четверо крепких мужчин, в которых за версту можно бы-
ло разглядеть отставных матросов. Пользуясь тем, что ново-
прибывшие заняты разговором со старшим оберегателем его
собственного тела, и не обращая внимания на второго охран-
ника у себя за плечом, купец тихонечко подошел поближе.
А охранник... Уже и привычка к такому сопровождению по-
явилась. Тем более что деньги он при себе носил по любым
меркам солидные, а дураков на свете, как известно, всегда

хватает. Да и вообще, с такими серьезными ребятами за спиной и порядку в делах заметно больше, и спокойствия...

— Да-а, и так бывает. Ничё, настоящему мужику нога — не главное!

Хлопнув одного из морячков по плечу так, что выбил в воздух небольшое облачко пыли, их собеседник отошел в сторонку. Открыв тем самым прекрасный вид на будущего разъездного механика перерабатывающих центров вообще и его отнятую по колено ногу в частности. Одного из четырех механиков, если быть точнее.

— Как добрались? Разместились? Жалобы есть?

Глядя, как четыре отставных матроса моментально выстроились идеально четкой шеренгой и чуть заметно дернули правыми «клешнями», бывший конный объездчик пограничной стражи не удержал довольной усмешки. И он кое-что может! Выслушав короткие ответы и чуточку напоказ пробежавшись глазами по дюжей фигуре калеки, Вожин остановил свой взгляд на нарукавной нашивке, изображавшей шестерню с наложенным на нее трехлопастным винтом.

— Старший машинист броненосца береговой обороны Императорского Балтийского флота «Вещун»! Бывший, понятное дело.

— Где же ты сподобился так... гм, пораниться? Вроде, слава богу, войны никакой и нету?..

Старший охранник подошел и двумя тихими фразами прояснил ситуацию.

– Значит, сам погибай, а товарища выручай?..

Бравый моряк небрежно повел литым плечом:

– Лучше моя нога, чем его голова. Да и отделались легко – упали балка на аршин левее, разом бы обоих и похоронили.

Бывший пограничник, хромота которого хоть и не бросалась в глаза, а все же присутствовала, и бывший моряк, полгода назад заимевший вместо правой ступни и голени хорошо отполированную дубовую деревяшку, вдруг ощутили некую общность душ. Конечно, словами это выразить было сложно (практически невозможно), но какая-то ниточка взаимной приязни явно протянулась.

– Савватей.

– Потап.

Две мозолистые руки с легким хлопком встретились, ненадолго застыв в крепком рукопожатии. Перезнакомившись с остальными механиками и потихоньку с ними же разговарившись, Савва и сам не заметил, как минул целый час. Собственно, он и дальше бы душевно общался, с превеликим удовольствием отвечая на множество вопросов морячков, дорвавшихся наконец-то до непосредственного начальства, не напомним верный Митяй о заждавшейся его бричке. И проверке строек. И о визите в банк, за денежкой на очередные расходы. Опять же к бондарям¹² заглянуть не помешало бы. Им в цех месяц назад аж три станка сестрорецкой выделки установили, пилить, строгать да фрезеровать клеп-

¹² Ремесленник, выделявающий бочки.

ки¹³ бочажные, а пользы с тех станков – что с быка молока. Привыкли по старинке работать, оглоеды...

В общем, остаток дня пролетел единым мигом, и домой (вернее, в снятую на полгода четырехкомнатную квартиру) Савватей появился ближе к сумеркам. Поцеловал Марысю в подставленную щечку, привычно потянул носом, стараясь угадать, каким именно кулинарным шедевром сегодня его накормят, прогулялся до уборной, умылся-причесался и, направляясь к столовой комнате, едва не споткнулся о хвостато-полосатую тушку кота Васьки. Впрочем, усатый бездельник тут же исчез в открытой нараспашку форточке (пользуется, паразит, его отсутствием да добрым сердцем хозяйки!). Савва негромко ругнулся, тут же выбрасывая мелкого приживалу из головы, перешагнул наконец-то порог столовой – и едва удержал на губах словечко покрепче.

– Доброго здоровьечка, Савватей Елпифидорович!

– И тебе не хворать. Никанор, гхм, Александрыч.

Выразительно покосившись на Марысю, едва заметно пожавшую плечами в ответ, хозяин дома страдальчески вздохнул и пригласил гостя к столу – отведать, чего бог послал. Вечеряли в полной тишине и даже с каким-то официозом, что тоже сказалось не в лучшую сторону на и так далеко не радужном настроении главы семьи. И только после того, как глубокие тарелки опустели и чай был выпит, а значит, положенное вежество было полностью соблюдено, бывший жи-

¹³ Дошечки для боковых стенок бочки.

тель села Опалихино прямо спросил старосту соседнего села: какого!.. гм, хорошего ему понадобилось от второй гильдии купца Вожина?!..

– Ты уж не серчай, Савватей Елпифидорыч, коли что не так. Я ведь не сам до тебя подался, меня все наше опчество послало.

– Послало, говоришь...

Бережно неся свой заметно округлившийся животик, Марыся подошла и положила руку на плечо мужа – пока еще тот тоже не послал гостя, далеко и надолго.

– Ну давай, говори свое дело.

– Все знают, Савватей Елпифидорыч, что хозяин ты справный и справедливый. Цену за хлебушек не опускаешь, на беде человеческой не наживаешься...

Дальнейшую речь, со славословиями в свой же адрес, хозяин слушать не стал, оборвав главу соседнего с Опалихиным села резким взмахом руки – тем более что основную мысль он и так уже понял.

– А эти твои знающие не говорят, случаем, что я прямую зерно покупаю только у односельчан?

– Говорят.

– Или, может, они не знают, что, начини я брать зерно в других селах да деревеньках, на меня разом все зерноторговцы Вологодчины ополчатся?

– Савватей...

Гость запнулся и пару мгновений мучительно подбирал

слова.

– Ты ж нам не чужой. Сам знаешь, каким потом хлебушек полит, какими слезами. И про то, каков неурожай нынешний, тоже знаешь. А эти христопродавцы сговорились, и одну цену покупную держат – что в Грязовце, что в Вологде. Продать им зерно за бесценок – так только на подати¹⁴ и хватит. Не платить подати – враз становые¹⁵ пожалуют, хозяйства разорят... Ну войди ты в наше положение, поймей жалость!

– Меня бы кто пожалел.

Супруга незаметно прижалась животиком к мужниной спине, и это кардинальным образом изменило еще не прозвучавший ответ.

– Покупать у вас ничего не буду. И другим, этим твоим «знающим» людям, так и передай, чтобы даже не думали ходить с этим до меня. А вот у своих, у опалихинских, куплю все, сколько бы ни было. К примеру, у дядьки моего Осипа Дмитрича. Или другого дядьки, Егора Дмитрича. Но!..

Вологодский купец сжал кулак и со значением посмотрел на просителя:

– Если только пойдет по деревням поголос¹⁶ о таких моих делах, то более ничего ни у кого брать не буду, да и вообще крепко осерчаю. На всех!.. Хорошо ли ты меня понял, Ни-

¹⁴ Налоги.

¹⁵ Сельские полицейские.

¹⁶ Слух.

канор? Правильно?

Просветлевший староста тут же засобирался, не забыв напоследок отвесить благодарственный поясной поклон:

– Спаси ты бог, Савватей Елпифидорович, век твою доброту помнить будем.

Проводив гостя, по возвращении хозяин увидел белый конвертик письма в руках у любимой жены:

– Никак от Ульянки весточка?

Остатки плохого настроения окончательно развеялись:

– Та-ак, почитаем... Угум. Ну да, я так и думал!.. Вот и славно, вот и хорошо!

Отложив одинокую страничку, плотно исписанную крупным округлым почерком, Савва горделиво огладил усы и потянулся рукой к жене.

Шлеп!

Легкой плюшкой перенаправив мужнину длань с ягодич на поясницу, Марыся захотела подробностей.

– Ну что. Жива, здорова, да. Благодетель наш записал ее в младший класс...

Любящий отец быстро скосил глаза на письмо:

– Московского Александровского института, учение начнется в сентябре. В классе вместе с ней будет девятнадцать учениц, жить станут при институте неотлучно, на полном обеспечении, дочке пока все нравится. Еще приветы передает, спрашивает, когда ей братика ждать.

– Или сестричку!

Муж согласно кивнул, пробурчав в усы, что он бы и от обоих сразу не отказался. Прижался щекой к животу, довольно прикрыл глаза – и тут же получил очередной шлепок по шаловливой ладони. В руку ему вернули отложенное письмо и требовательно посмотрели.

– Вот найму и тебе учительку, чтобы научила самой читать!

Взгляд благоверной стал откровенно грозным. И что самое страшное, она перестала ласково ворошить его волосы, растрепывая прилизанную укладку на голове.

– Ладно, ладно. Гхм. «Дорогие матушка и батюшка, низкий поклон вам от дочери вашей Улияны...»

Глава 3

Балтийская погода никогда не отличалась особым постоянством и приветливостью, а ближе к осени и вовсе обиделась на людей, заплакав длинными, тягучими нитями частого дождя. Хмурилось небо, отражаясь в частых лужах свинцовой тяжестью туч, гулял по мокрым верхушкам деревьев беззаботный ветер, сбивая время от времени с зазевавшегося прохожего шляпу или выворачивая из рук зонт.

Нахохлились воробьи и голуби под крышами, переживая затянувшееся ненастье. А коты и кошки, развалившиеся в безопасном тепле на сухих подоконниках, насмешливо шурились, наблюдая за тем, как редкие фигурки людей медленно и с большой опаской передвигаются по вездесущей грязи. Уныние и скука воцарились во всем Сестрорецке, замерла прежде бойкая жизнь курортного города...

Впрочем, кое-где затянувшегося до неприличия дождя почти и не заметили. Вернее, заметили, но внимания на это обратили пренебрежительно мало – все так же днем и ночью сновали по дороге от поселка до фабрики мастеровые, дымили трубами и светились широченными окнами цеха и сустились наподобие муравьев грузчики, разгружающие очередной вагон.

Бегала по улицам поселка ребятня, которой нипочем были и дождь, и зной, и даже морозная выюга (играть не ме-

шают – и ладно), месили размякшую глину полигона экспедиторы и охранители начальственных тел, в очередной раз отработывая и шлифуя одни – нападение, другие – защиту. Работал и их командир, позволивший себе одну-единственную поблажку: принимать посетителей не в кабинете управы, а у себя дома. Тем более что даже эта его, гм, слабость все равно пошла на пользу делу – гости дорогие не теснились в духоте приемной управы, а с комфортом устраивались в глубоких креслах, расставленных по большой дуге вокруг камина, и коротали время, наблюдая за извечной игрой живого огня. И даже те, кто уже был в хозяйском кабинете, не торопились покинуть уютную гостиную, непринужденно общаясь с теми, кто только ждал своей очереди, – хорошим знакомым всегда найдется о чем переговорить.

– Вениамин Ильич, мне нужно больше инструментальщиков! Производство непрерывно возрастает, и я...

– Помилуй бог, да где же я их вам возьму, Иммануил Викторович? К столичным заводам теперь и на пушечный выстрел не подойти – тем более что вы сами же и переманили оттуда всех, кого только можно было.

– А волонтеры из Чехии?! Не далее как на прошлой неделе в Кыштым уехал целый десяток отличных специалистов. Они нужнее здесь, у меня!

Лунев пожал плечами и парировал:

– В основном вербуются обычные мастеровые. А этот ваш пресловутый десяток собирался почти три месяца. В конце

концов, Иммануил Викторович, ну наберитесь же терпения, будет и на вашей улице праздник.

– Через полгода? Благодарю покорно, результат с меня требуют уже сейчас. Хм, а ведь вы лукавите, друг мой.

Юрист, уже давно шагнувший за рамки своей профессии, неподдельно удивился.

– Да-да, не отрицайте. Я регулярно списываюсь с Лазоревым – так вот, он в последнем письме поведал о том, как вы выполняете ЕГО заявки на специалистов. Понадобились ему шлифовщики – и уже через месяц он их получил. Шлифовщики! Коих, может, две дюжины на всю Австро-Венгрию и наберется. А вы мне каких-то там инструментальщиков найти не можете... Непорядок-с!

– Хм. Действительно. Вот только к переезду семейства Ладислава Плишека из Брно¹⁷ в Ковров я никакого касательства не имел. И не имею!

– Как? Разве это не вы его уговорили?

– Нет. Этот Плишек сразу уперся, и даже разговаривать со мной не хотел.

– А как же тогда?..

Лунев покрутил головой, одновременно оглядываясь по сторонам, и заговорщически понизил голос, практически до громкого шепота:

– Александр Яковлевич уговорил. Знаете как? Пообещал старому чеху, что кроме солидного вознаграждения за каж-

¹⁷ Один из промышленных центров-городов Чехии.

дого выученного им шлифовщика для нас оплатит обучение десяти юношей у него на родине. Подходящему для них ремеслу, разумеется. Ну знаете – каменщики, плотники, кожевенники, слесаря... Один у нас, десять там.

Герт опустил приподнявшиеся в удивлении брови обратно и жадно спросил, уже зная ответ:

– И что чех?

– Сам поехал и трех сыновей с собой прихватил. Вот так-то, Иммануил Викторович. Знаете, во сколько встало такое приглашение?

– Сделайте милость...

Стряпчий наклонился поближе к собеседнику и коротко что-то прошептал.

– Однако!

– Вот-вот. Я, когда узнал об этом, взял на себя смелость поинтересоваться у Александра Яковлевича – не слишком ли большие траты ради приобретения четырех мастеровых редкой, но все ж таки далеко не уникальной специальности?

– А что же он?

– А он мне ответил в своем духе. Мол, я всего лишь меняю деньги на время.

– Нда-с...

Двое мужчин с пониманием переглянулись – к таким непонятым ответам у них уже давненько выработалась привычка. Как и к непонятной, но постоянной спешке. Князь Агрнев развивал свое производство такими темпами,

словно вечно куда-то опаздывал, предпочитая переплатить, но не ждать, – и надо сказать, такая манера ведения дел оказалась заразной.

С верхнего этажа слышались шаги нескольких человек, и Лунев-старший тотчас встрепенулся, кладя руку на ставший просто незаменимым стальной чемоданчик для бумаг, а заодно находя взглядом младшее поколение – сегодня они шли на доклад вместе. По его, между прочим, просьбе. Так что как только в гостиной появился Долгин в компании своего недавно появившегося заместителя Купельникова (должность коего называлась на удивление длинно и непонятно – старший инспектор по вопросам техники безопасности на рабочих местах), как он энергично кивнул, напоминая племянникам о повышенном внимании, и двинулся на второй этаж.

– Добрый день, прошу, располагайтесь как обычно...

Обстоятельно обложившись бумагами из вскрытого наконец переносного сейфа, стряпчий положил прямо перед собой открытый блокнот и чернильную ручку, после чего посчитал, что вполне готов к докладу.

– Александр Яковлевич, сегодня у меня исключительно хорошие новости!

– Что же, это радует.

– Итак! Начну с оружейных дел. Аргентина!

Соответствующая папка начала свой короткий путь по столу – от юриста к оружейному магнату.

– Очень, ну просто очень просят продать им еще сорок тысяч винтовок с тройным боекомплектом. Согласны доплатить за срочность или принять вместо «Агрений» такое же количество МАг.

– Хм, собираются немного повоевать?

– По всей видимости.

Столь точный ответ Лунев сопровождал неопределенным пожатием плеч – Аргентина и Чили уже давненько бряцали оружием, нехорошо поглядывая друг на друга через границу.

– Еще в заказе пять тысяч «Орлов» с соответствующим количеством патронов, складные ножи, зажигалки, пять полевых лазаретов и немного пистолетов-карабинов «Кнут» – по всей видимости, на пробу. Это первый контракт. Второй – им нужен еще один патронный завод и две мастерские по ремонту оружия. Особое пожелание – что все это будет выполнено, как вы говорите, «под ключ».

Вторая папка присоединилась к первой.

– Мы беремся. Дальше?

– Простите, Александр Яковлевич. А вы уверены насчет винтовок? Все же сорок тысяч?..

Вместо ответа князь порылся в кипе вчерашней прессы, отыскивая нужную газету, и перекинул ее стряпчему:

– Я думал, вы в курсе.

«Столкновения между правительственными войсками и повстанцами в Бразилии, уже три провинции охвачены пламенем...»

– Гм! Вы думаете, у них там дойдет до чего-то серьезного? Вроде настоящего мятежа?

– Уже дошло, Вениамин Ильич. Только это не какой-то там мятеж, а полноценная гражданская война – раз уж на сторону «мятежников» разом перешла добрая половина армии.

– Как некстати!..

Юрист замер на секунду-другую, вспоминая крайний срок выполнения собственноручно составленного оружейного контракта, и тут же исправился:

– Очень кстати.

– Да, я тоже думаю, что пару месяцев они как-нибудь проживут и без своих винтовок – если, конечно, тоже не доплатят за скорость.

Первая пометка легла на бумагу блокнота, а на смену одной стране пришла другая:

– САСШ! С Арчибальдом связались представители судостроительной компании «Вильям Крамп и сыновья». Не буду томить, скажу сразу – за генеральную лицензию на ацетиленовый резак и «Электрогефест» мы получим три с четвертью миллиона долларов единовременно! И пятнадцать процентов с каждой проданной уже ими лицензии!.. Также двадцать тысяч долларов ежемесячной ренты в течение всего времени действия патентов.

Место рядом с докладчиком потихоньку освобождалось от папок.

– Англия. Должен заметить, тут моей инициативы не было, но тем не менее предложения вполне хороши. Да-с! Компания «Армстронг энд Митчел» предлагает нам за генеральную лицензию по «Электрогесту»... так как на патент они уже даже и не надеются, хе-хе... так вот – предлагают пятьсот тысяч фунтов стерлингов разом и, соответственно, пять процентов с каждой лицензии. Каково, Александр Яковлевич, а?

Магнат задумался, покатывая пальцами карандаш по столу. Очнувшись от мыслей и мягко поторопил-напомнил:

– Вы сказали – предложения?

– Так точно-с. Верфи «Харленд энд Вулф», что в Белфасте, почти одновременно с «Армстронг энд Митчел» предложили триста пятьдесят тысяч плюс семилетнюю ренту в пять тысяч фунтов стерлингов ежемесячно. И шестьдесят тысяч за лицензию на один из ваших нержавеющих сплавов.

– Занятно... Ваши предложения?

– Небольшой аукцион поможет определить победителя.

– Хорошо.

Быстро исчеркав треть блокнотной странички, Вениамин Ильич поднял голову, одновременно убирая последнюю папку в чемоданчик, и уставился на работодателя со всем возможным вниманием и преданностью. Князь помедлил, а затем рублеными фразами выдал поистине ошеломляющую новость:

– Военное ведомство приняло все мои предложения, из-

ложенные в подготовленном вами и Андреем Владимировичем контракте. Изменилась только сумма сделки – тридцать восемь миллионов рублей. Срок исполнения остался прежним – шесть с половиной лет, начиная с октября месяца сего года.

Стряпчий непроизвольно подобрался, невольно отметив полное отсутствие воодушевления и счастья в глазах начальства. Это было достаточно странно!..

– Подписание документов состоится в первых числах августа, так что время ЕЩЕ РАЗ хорошенько проработать все документы у нас есть – не слишком много, но все же. Далее.

Александр оставил в покое карандаш и откинулся на спинку кресла.

– У меня получилось договориться с Губониным насчет кредита в двенадцать миллионов, поэтому с финансовой стороны у нас, если можно так выразиться, крепкие тылы. Взамен я обязался вести свои дела только и исключительно через Волжско-Камский банк. Поэтому!..

«Паркер» навис над листком, чуть ли не втыкаясь золотом пера в мелованную поверхность.

– Закрывать все депозиты в Русско-Азиатском и досрочно выплатить остаток кредита. Все рентные поступления и расчетные счета перевести в наш новый банк.

– Прошу прощения. Переводить ВСЕ поступления?

Юрист не мог не уточнить этот вопрос. Так как именно его подчиненные колесили по всему миру, трудолюбиво пе-

реоформляя старые договоры аренды на новый лад – с тем, чтобы отчисления поступали не в империю, а на заграничные счета князя.

– Те, что остались на данный момент в Русско-Азиатском. Аристократ-промышленник вздохнул и нехотя, чуть ли не через силу, дополнил короткий список распоряжений:

– Двадцать процентов паев Русской оружейной компании передаются в залог Волжско-Камскому банку вплоть до полного погашения кредита. Подготовьте соответствующие бумаги.

Кислый вид оружейного магната без лишних слов свидетельствовал, насколько он «рад» такому условию. Тем временем недавний докладчик попал в довольно затруднительное положение: в его ручке внезапно закончились чернила. Впрочем, ничуть тому не опечалившись, Вениамин Ильич ловко выхватил из кейса точную копию первого «Паркера» и продолжил заполнять уже восьмой по счету лист – опытный стряпчий должен быть готов к любой неожиданности! А глава юридической конторы был очень, очень опытным человеком.

– Мм?.. Позвольте уточнить?

– Разумеется.

– Меня смущает сумма контракта. Ведь первоначально в смете было прописано двадцать три с половиной миллиона?..

– Верно. Дело в том, что мне дополнительно... Кхм. Од-

ним словом, мне доверили провести реконструкцию Пермских пушечных заводов.

Причина «задумчивости» князя стала окончательно ясна – он попросту откусил больше, чем рассчитывал. При чем лишний кусочек был на диво костлявым и неудобоваримым, и подавиться им было легче легкого – так как в вопросах артиллерии сестрорецкий промышленник разбирался настолько слабо, насколько это было позволительно выпускнику военного пехотного училища. То есть захватить орудие, ну или издали перебить его обслугу он бы определенно смог – но и только.

И что оставалось отставному ротмистру пограничной стражи? Ну для начала отложить в памяти имена и фамилии всех тех «добрых» людей в Военном ведомстве, чьими заботами он был вынужден принять на себя повышенные (а вернее, сильно завышенные) обязательства. Глядишь, как-нибудь и удастся при случае отблагодарить их за явно бескорыстную помощь. Затем надеяться на хорошие отношения с одним из профессоров Михайловской артиллерийской академии, генерал-лейтенантом Чебышевым, и директором тех самых Пермских пушечных заводов, господином Славяновым. А еще крепко думать – что же именно он может предложить Круппу за его небольшую дружескую поддержку в данном вопросе. Пока на ум приходили только деньги. **ОЧЕНЬ** большие деньги – при их наличии старина Фридрих точно проявит все возможное в данном случае понимание.

– Гм!.. Александр Яковлевич, возможно, стоит подумать о продаже части, так сказать, непрофильных активов?

– Все, что можно продать, не принесет и миллиона, при том что обошлось мне больше чем в полтора. Тем более что и этот вариант учтен – в качестве самого последнего средства.

Молодой фабрикант улыбнулся и кивнул на стопочку папок, полученных от собеседника:

– Но, учитывая новый аргентинский контракт и предложения от компаний-судостроителей – кстати, очень своевременные предложения! – я надеюсь, что до такой крайности все же не дойдет.

Тут уже задумался сам посетитель, сомневаясь и поглядывая на дверь (стоит ли приглашать племянника и сына?), и это, разумеется, не осталось незамеченным.

– Есть что-то интересное?

Всего через три минуты уже молодая поросль клана Луневых переглядывалась через стол, определяя – кто первый будет просить денежку на бедность. Выиграл Геннадий Арчибальдович. Быстро отчитавшись по своему основному занятию и мельком упомянув об исключительно удачном приобретении пароходов «Ласточка» и «Стриж» (можно сказать, первенцев будущей речной флотилии Русской аграрной компании), молодой директор осторожно поинтересовался:

– Ваше сиятельство, нас интересует чай?

– В смысле торговли? Нет. И не надо лишнего официоза,

Геннадий, я же просил...

– А возможность получить собственные плантации на землях империи?

– Например, где? В Грузии? Покорнейше благодарю, но такого счастья мне и даром не надобно.

– А если они будут рядом с Екатеринодаром?¹⁸

Аристократ выгнул в удивлении левую бровь и уточнил:

– Кубань? В первый раз слышу, чтобы казаки увлекались биологией и селекцией растений.

Несмотря на неприкрытый скептицизм начальства, Геннадий упорно не желал падать духом:

– Я бы и сам не поверил в такую возможность, если бы один человек не привел очень веские доказательства.

Мужчина с преувеличенной аккуратностью достал и положил перед собой небольшой полотняный мешочек, вроде кисета для махорки. Раскрыл горловину и высыпал себе на ладонь небольшую горстку чего-то действительно похожего на подсушенный чайный лист.

– Лично заваривал и снимал пробу, Александр Яковлевич.

Размяв между пальцев скрученные и измятые листочки, затем поведив ими рядом с носом, владелец компании с безразличным видом поинтересовался:

– И насколько же велика плантация этого человека?

– Дюжина кустов.

¹⁸ Теперь этот город называется Краснодар.

Как ни странно, именно этот ответ зажег огонек интереса в глазах работодателя.

– Продолжайте.

– Этот человек всего лишь любитель-одиночка. Действуя на свой страх и риск, и без малейшей поддержки, всего за десять лет он добился поразительнейших результатов – его чайный лист ничем не уступает лучшим заграничным сортам. Если мы окажем небольшую поддержку, поможем грамотными специалистами и предоставим землю, то...

– Благодарю, я услышал достаточно. Сколько?

Молодой Лунев и этот вопрос понял совершенно правильно:

– Тридцать тысяч на покупку участка земли под плантацию и примерно четыре-пять тысяч в год на селекционную работу. Уверен, результат будет!

Оружейный магнат аккуратно ссыпал листочки обратно, затянул горловину мешочка. Взвесил на ладони и спокойно уронил – аккуратно в ящик своего стола.

– Жду вас через две недели с документами и тем самым человеком – компании интересен этот проект.

Геннадий смиренно принял на свои плечи очередную ношу и ответственность, при этом едва удержавшись от довольной улыбки.

– Виктор, что у вас?

Сын стряпчего в своих привычках явно был похож на отца – хотя бы потому, что одновременно с первыми словами

он положил перед собой тоненькую красную папку. А вот говорить так же уверенно и гладко у него пока не получалось – фабрикант минут пять слушал его речь, пока не понял, что ему всего лишь предлагают заняться (ну то есть дать разрешение) производством мебели из гнутой фанеры.

Александр едва заметно вздохнул и с некоторым трудом подавил так и рвущуюся на язык фразу. О том, что денег он не печатает! Как оказалось в дальнейшем, на ассигнации никто и не претендовал – только на станки. Которые, между прочим, тоже чего-то стоили! Вздохнув, но на сей раз исключительно про себя, князь, скрипя (фигурально выражаясь, разумеется) зубами и подлокотниками кресла (а тут уже на самом деле), выдал свой вердикт:

– Утверждаю.

Подумал, кое-что вспомнил и в очередной, уже невесть какой по счету, раз поразил подчиненных многогранностью своей натуры. Небрежным тоном указав Виктору зайти к нему этим же вечером – за готовыми эскизами будущей мебели и кое-какими заметками. Можно было бы и пораньше, но пока он доберется до своего подземного хранилища, а в нем – до простенького замусоленного блокнота...

Оставшись в одиночестве и твердом убеждении, что больше никаких гостей не будет (все, кто хотел, отметились с утра, и Лунева в этом важном деле как раз были последними), хозяин кабинета встал. Походил по кабинету, разминаясь, затем постоял у окна, любуясь на серую хмарь затяжно-

го ливня, и закончил короткую передышку рядом с напольным сейфом. Погремел ключами, добираясь до содержимого стального «толстяка», прямо на месте раскрыл нужную укладку, что-то вписал, что-то вычеркнул и еще раз быстро все перечитал – вернее, пересчитал. После чего печально констатировал, обращаясь в никуда:

– Хватает, но впритык. Вот только еще чуть-чуть – и придется залезть в швейцарскую кубышку. Черт, может, и в самом деле пора подумать о собственном производстве банкнот?

Его высокоблагородие полковник Сокерин с утра был немного не в духе. Какой-то определенной причины для этого не было – разве что очередной приступ пречернейшей меланхолии? Да, определенно так. Надо сказать, она с завидной регулярностью посещала почтеннейшего Георгия Ивановича с той самой несчастливой поры, как он покинул сияющие выси столицы и приехал в Тулу вообще и на Императорский Тульский оружейный завод – в частности. Конечно, служба есть служба, да и карьерные перспективы были весьма неплохими (до генеральских лампасов, фигурально говоря, уже было рукой подать) – но боже ж ты мой, как уныло и серо в этой имперской провинции!

– У-у-у!!!

Полковник непроизвольно вздрогнул, едва не разлив свой утренний кофе.

– Чтоб тебя!..

Проклятый заводской гудок стоял как раз напротив единственного оконца его небольшого «кабинета», так что привыкнуть к густому вою-реву было весьма затруднительно. Собственно, он так к нему и не привык. С раздражением оставив небольшую чашку с коричневой гущей на дне, чиновник Военного ведомства надел фуражку и покинул клетушку-кабинет – его ждал обход заводских цехов. Конечно, особой необходимости совершать такой утренний моцион вроде бы и не было... С другой стороны, если мастеровщина и всячески ей потакающие инженеры, вроде тех же братьев Мосиных, почувствуют только лишь намек на то, что надзор за ними ослаб, – тут же потеряют свое и так невеликое рвение. В свою очередь, это автоматически отодвинет столь желанное возвращение в Санкт-Петербург, ибо, пока не начнется валовое производство винтовок, следующего назначения (а вместе с ним и должности с чином) ему не видать.

Так он и ходил по низеньким полутемным цехам, требовательным взором и редкими, но неизменно ценными указаниями блюдя государственный интерес – и собирался делать это и дальше (потому что офицерское собрание открывалось после пяти вечера, а местные театральные постановки вызывали в нем исключительно жалость). Если бы только не заметил непонятную суету, происходящую на заводском стрельбище. Точнее сказать, что он ее даже и не заметил, а просто-напросто взял и услышал – строенные щелчки вы-

стрелов, временами переходящие в настоящую пулеметную канонаду, на десять – пятнадцать выстрелов зараз. Об каких-либо испытаниях пулеметов его не извещали, а посему требовалось немедленно разобраться – кто, что и на каком основании!.. Стоило только ему обогнуть саженной высоты вал земли на границе стрельбища и пройти небольшую будочку с отсутствующим (очередной непорядок!) сторожем насквозь, как все ожидания-предположения тут же подтвердились. На широком поле присутствовали мастеровые опытного производства, оба Мосиных, Сергей и Митрофан, и что самое возмутительное – присутствовали они не просто так, а в компании из трех незнакомых чиновников и целой дюжины еще более незнакомых мужчин абсолютно гражданского вида. То есть личностей, на Императорском оружейном заводе априори посторонних! Не успел он сделать еще несколько шагов, как один из штатских штафинок, затянутый в вицмундир чиновника восьмого класса, довольно ловко прижал к плечу карабин непонятного вида, чуть-чуть подался вперед – и разразился длиннющей очередью, звучавшей просто бесконечно долго. Мишень, принявшая на себя весь этот свинцовый шквал, заметно покосилась, а чиновник что-то сделал со своим ручным пулеметом и опять чуть подался вперед.

– Прошу прощения, ваше высокоблагородие, но дальше проход закрыт.

– Что?!

Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду...

Гроыхающий лай неизвестного доселе оружия заметно сбил с толку полковника – пожалуй, только этим и можно было объяснить охватившее его недоумение пополам с оторопью. Его что, не пускали дальше? Его?!..

– С дороги!

– Прошу прощения, ваше высокоблагородие, проход закрыт.

– Та-ак!.. Кто дал такое распоряжение?

Один из пары солдат-отставников (а такие вещи Сокерин подмечал влет – одна только выправка чего стоила!) слегка удивленно пожал плечами, при этом даже и не думая пропускать:

– Известно кто – начальство.

Подумав, что он, возможно, чего-то не знает, офицер-чиновник понизил тон и приказал:

– Так, голубчик, доложи-ка обо мне.

– Не велено.

– Что?! А ну-ка, в сторону. Живо!

– Прошу прощения, ваше высокоблагородие, проход закрыт.

– Прочь!..

Щелк.

Молчаливый напарник общительного отставника (теперь в этом сомнений не было) взял и без каких-либо сомнений взвел курок пистолета. Небольшого. Никелированного.

И что самое неприятное – направленного точно на левую ногу офицера Русской императорской армии.

– Назад.

Сказано было столь убедительно, что Георгий Иванович сразу поверил: будет упорствовать – непременно обзаведется дыркой в бедре. Может быть, даже и сквозной – если повезет. Сжав в бессильной злобе кулаки, чиновник Военного ведомства сделал ровно один шаг назад и вместо бесполезной ругани многообещающе посмотрел на будущих обитателей кадки – спускать такую неслыханную наглость каким-то там нижним чинам он не собирался. Меж тем длинные очереди стихли, мишень лежала в пыли, а сам стрелок оживленно разговаривал сразу с двумя братьями разом, одновременно обтирая руки платком и довольно улыбаясь. Вот ему поднесли небольшую фляжку промочить горло, вот он пожал руку старшему и младшему Мосиным – а тем временем за его спиной чудо-карабин бережно уложили в деревянный ящик. Прикрыли сверху укладкой с бумагами. Дополнили содержимое небольшим картонным тубусом. После чего закрыли наконец-то крышку и торжественно передали деревянное хранилище пожилому господину весьма представительного вида. Видимо, на этом все дела незнакомцев на стрельбище были закончены, так как вся компания тут же собралась и направилась на выход – то есть туда, где тихо сатанел от сдерживаемых эмоций полковник Сокерин. Они подходили все ближе и ближе (причем братья Мосины и стрелок шли впе-

реди всех – вернее даже, возглавляли это шествие), и вскоре стало возможным услышать их негромкий разговор. При чем и его присутствие тоже явно заметили – но если Сергей и Митрофан Ивановичи поглядывали на одинокую фигуру со сдерживаемым и едва-едва видимым злорадством, то их спутник вообще на него не смотрел. Вернее, смотрел, но исключительно как на пустое место.

– Что-то вроде сверхдальнобойной винтовки, калибром от девяти до двенадцати миллиметров. Вас это интересует?

– Несомненно.

– Рад. Что ж, ждите курьера, а пока...

Троица людей миновала незаметно расступившихся солдат-отставников, и Сокерин тут же дал выход своей злобе:

– Полковник, потрудитесь объяснить, что здесь происходит!

Председатель приемной комиссии оружейного завода остановился, сделав вид, что вот только сейчас и заметил своего давнего и последовательного... гхм, коллегу.

– Доброе утро, Георгий Иванович. Что вы имеете в виду?

– Во-первых, кто эти люди. Во-вторых, что они делают на территории завода! И в-третьих!..

Сокерин прервался, проводив глазами того самого представительного господина, что с довольным видом уносил невзрачный деревянный ящичек. Постарался успокоиться и закончил гораздо спокойнее:

– ...что именно уносят со стрельбища. Также попрошу

объяснить, кто и на каком основании приказал вот этим вот...

Полковник изящно-презрительным жестом ткнул рукой в сторону невозмутимо-бесстрастных отставников.

– ...угрожая оружием, препятствовать представителю Военного ведомства исполнять свои обязанности.

Мосин слегка растерянно повел глазами по сторонам, но сказать ничего не успел:

– Сергей Иванович, не могли бы вы представить меня?..

– Кхм?.. Охотно. Князь Агреньев, Александр Яковлевич. Чиновник для особых поручений при военном министре, с сопровождающими лицами.

– Благодарю. Что ж, на первый вопрос, я надеюсь, ответ получен.

Молодой аристократ вежливо улыбнулся.

– В данный момент я и специалисты моей компании собираемся проводить осмотр завода. Для предварительной оценки будущего фронта работ.

Звучавшая в голосе князя властность не предполагала ответных возражений или же вопросов – а тусклое золото глаз давило почище свинцовой плиты, заставляя почувствовать предательскую слабость.

– Со стрельбища унесли наш совместный с Сергеем Ивановичем проект. Его внешний вид, особенности конструкции и прочее являются коммерческой тайной. Что касается угроз вам, да еще и оружием...

Давешняя «держиморда» тут же подошла поближе, неся на раскрытой ладони никелированный пистолет. Даже, скорее, пистолетик – особенно на фоне здоровенной лапищи, что его держала. Чиновник в вицмундире с петлицами Военного ведомства еще раз улыбнулся, только на сей раз прерзительно, не спеша достал из кармана портсигар, а из него – тоненький бежевый цилиндрок сигариллы.

Щелк!

Прикурив от огонька, вырвавшегося из дула, спутник Мосина вернул столь оригинальную зажигалку обратно своему подчиненному.

– Думаю, вы заблуждаетесь.

Георгий Иванович едва не задохнулся от пренебрежения, прозвучавшего в голосе.

– Впрочем, если офицера Русской императорской армии напугал один лишь вид сувенира-зажигалки... я готов принести вам свои самые искренние извинения. Публично.

Сокерин заметно побагровел шеей и щеками. Да после такого извинения его репутации придет конец, его просто засыплют насмешками! И никто не будет разбираться, насколько правдоподобно игрушка-сувенир изображала пистолет. Скажут – и скажут обязательно – лишь о том, что один полковник настолько малодушен, что отступает даже перед зажигалками!..

– Это лишнее. Почему меня не известили о проводимом вами осмотре?..

– Возможно, просто не посчитали необходимым? Впрочем, это всего лишь мои предположения, точнее же может ответить ваше начальство. Замечу лишь, что Сергея Ивановича известили сразу. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы? Тогда, с вашего позволения...

Возглавляющий процессию аристократ даже не повысил голос, скорее еще понизил – и тем не менее его слышали все:

– Господа, продолжим обход.

Через минуту его высокоблагородие остался в полном одиночестве и чувствовал себя при этом полностью оплеванным – с головы до ног, а затем и с ног до головы. Причем сделано это было как раз с тем истинным столичным шиком, по которому он так скучал. По форме очень вежливо, а по сути – сплошное издевательство!

– Ну нет, это им с рук не сойдет!..

Пять часов спустя, сидя в кабинете Ивана Ивановича Патруса, начальника Тульского оружейного завода, он уже не был так в этом уверен. Потому что день, начавшийся столь дурно, продолжился не менее скверными новостями. Вернее, неоднозначными. Да, полковника Мосина освободили от должности председателя приемной комиссии, и где-то с минуту он был почти счастлив – пока не узнал, что на освободившееся место назначили другого Мосина, по имени Митрофан. А сам «освобожденный» через три дня отправляется в Сестрорецк, на тамошний казенный оружейный за-

вод, продолжать службу в качестве помощника начальника завода. Учитывая же тот общеизвестный факт, что оный начальник, генерал-майор Соколов, собирался (если уже не подал) писать прошение об отставке по причине своего почтенного возраста, можно было уверенно говорить – в полковниках (и помощниках) автор армейской винтовки долго не засидится. Что, между прочим, совсем не удивительно, с таким-то покровителем...

Кстати, два человека из свиты «всего лишь коллежского асессора» тоже носили вицмундиры «простых» кабинетских регистраторов – вот только не каждый статский советник¹⁹ мог позволить себе такую дорогую ткань и такой мастерский пошив. А господа Сонин и Долгин могли, причем с легкостью невероятной – судя по тому, как они совсем не боялись испачкаться во время полного осмотра завода.

– Георгий Иванович.

Сокерин сморгнул, возвращаясь из своих мыслей в суровую (к нему) реальность, и поглядел на генерал-майора Патруса. Который как раз отодвинул от себя рапорт полковника, снял пенсне и аккуратно мял переносицу тонкими длинными пальцами.

– Вы и в самом деле хотите дать ЭТОМУ официальный ход?

– Так точно.

– Что же, ваше право. Вот только перед тем, как я нало-

¹⁹ Гражданский аналог звания генерал-майора.

жу свою визу, позвольте задать несколько вопросов? На которые, замечу, вам все равно придется ответить, в случае...

Генерал-майор выразительно потряс листом, намекая на вполне возможное служебное расследование.

– Итак, первый вопрос. С какой целью вы хотели попасть на стрельбище во время заводских испытаний новейшего пистолета-пулемета конструкции Мосина – Агренева? Существующего, как мне сказали, всего лишь в единственном экземпляре.

– Я не знал ни о каких испытаниях! Впрочем, это абсолютно не важно, так как стрельбище заводское. А значит, я имел и имею несомненное право его посещать!

– Второе. Князь беседовал с некоторыми мастеровыми и начальниками цехов, и они показали, что вы постоянно мешаете их работе. Тем самым существенно задерживая начало выделки новой винтовки. Это правда?

– Что за вздор! Конечно же нет!

Патрус вернул пенсне на место и взглянул через него на разволновавшегося офицера.

– Вот видите, Георгий Иванович. Всего два вопроса, а вы уже нервничаете. А ведь генеральный подрядчик модернизации нашего завода озвучивал и другие вопросы, очень даже неприятные – как для вас, так и, гхм, для меня.

Например, о том, почему аристократ-изобретатель не может пообщаться со своим соавтором в спокойной обстановке. Хотя и просил предоставить для этих целей стрельбище,

причем всего на каких-то там полчаса. Не будешь же говорить в ответ, что попросту забыл предупредить одного чересчур ретивого полковника?

– Но ведь это полнейший вздор, Иван Иванович... Я, как представитель Военного ведомства, не мог...

– Гхм!

Начальник завода мягко перебил своего давнего (уже почти два года как) знакомого.

– Совсем забыл вам сказать. Приказом по Военному ведомству, надзирать за работой по переустройству казенных оружейных заводов назначен князь Гагарин, Андрей Григорьевич.

– Но он же служит в Петербургском арсенале? А как же?..

– Вот!.. А вы мне тут рапорт подаете. Подумайте, добрый мой вам совет – хорошенько подумайте! Надо ли вам в преддверии нового назначения затевать всю эту чехарду с официальными бумагами и проверяющими? Тем паче что князь Агренин уже извинился и готов повторить свои слова на публике.

– Но...

Генерал-майор опять снял пенсне, только на этот раз его пальцы легли на висок – его определенно начинал тяготить этот разговор. Вернее, столь откровенное непонимание его визави сложившейся ситуации. Ведь если, не дай бог, пришлют ревизоров и следователей – плохо будет всем!

– Хорошо, я подпишу ваш рапорт. Однако напоследок за-

мечу: неприятности, которые вы доставите князю Агрневу, будут крайне незначительны. Если вообще они у него хотя бы будут. А вот он вам, в качестве ответной любезности, сильно затруднит дальнейшее продвижение по службе.

Иван Иванович откинул крышечку своей чернильницы, не глядя, ткнул в нее пером, скребанув по доньшку, и поставил размашистую визу.

– Если оно у вас вообще будет – это самое дальнейшее продвижение. Всего хорошего, Георгий Иванович!..

День, начавшийся просто дурно, затем пошедший совершенно отвратительно, закончился для полковника и во все ужасно – его обидчик устроил в офицерском собрании большой открытый прием. За свой счет, разумеется, и счет немалый – дорогое шампанское, вина, шоколад и цветы для дам, небольшие сувениры всем присутствующим... Те самые проклятые пистолеты-зажигалки! Не пойти на прием было просто невозможно (князь прислал именное приглашение, на обороте которого еще раз подтвердил свою готовность к извинениям). Пойти?.. Да проще было застрелиться, чем терпеть неизбежные косые взгляды и насмешки. Откуда все только и узнали?!.. Впрочем, наверняка младший из Мосиных постарался – низкий человечешко, подлая порода²⁰...

– Проклятая провинция!!!

На прием он так и не пришел. Но было бы настоящим

²⁰ Отец братьев Мосиных был выходцем из крестьян. В терминах того времени – из подлого сословия.

преувеличением сказать, что все остальные от этого сильно огорчились – неожиданное развлечение и отменное угощение (вкупе с обилием танцев) оказались для них куда важнее. Хотя его определенно вспоминали – уж очень некстати на бывшего представителя Военного ведомства напала икота. А вот то, что уже он в свою очередь вспоминал про Митрофана Ивановича тихим незлобивым словом, на последнем никак не сказалось – новый председатель приемной комиссии был слишком увлечен наблюдением. Не за дамами (понаблюдаешь тут, когда супруга под боком бдит, почище иной львицы) – за самим виновником торжества. Его сиятельство и в самом деле сиял, очаровывая незамужних девиц и дам и в две-три фразы располагая к себе господ офицеров, и без того немало возбужденных открывающимися перспективами – Александр Яковлевич «проговорился», что желает одновременно с модернизацией собственно завода украсить и сам город оружейников. Немного новых доходных домов для проживания мастеровщины и приличной публики – старые в основной своей массе были слишком уж неприглядны на вид; большой пассаж с товарами производства его компаний – это непременно придаст оживление торговле (и безмерно разнообразит досуг присутствующих дам); кинотеатр по образцу тех, что недавно открылись в столицах...

– Этот прием запомнят надолго.

– Надеюсь, Сергей Иванович, надеюсь.

Возникший, словно бы из ниоткуда, князь поводил ру-

кой, выбирая себе бокал на подносе. Определился, подхватил хрусталь за коротенькую толстую ножку и присел напротив братьев, что расположились на диванчике в небольшой комнатке-нише.

– Спрашивайте, господа.

Митрофан и Сергей покосились друг на друга. И тот и другой прекрасно знали, что хотят спросить, однако вот – немножечко стеснялись. Больно уж вопрос был неудобный.

– Скажите, Александр Яковлевич... а зачем вы так – с полковником?

Глядя в округлившиеся в притворном удивлении глаза аристократа высшей пробы, старший брат упрямо сжал губы и продолжил:

– Признаю, у меня с ним были определенные трения, но – в этот раз он был в своем праве. Ваши же люди его оскорбили самым грубейшим образом, и офицерская честь вынуждает меня поинтересоваться причинами, по которым!..

Прежний председатель приемной комиссии завода почувствовал, что начинает горячиться, и мысленно проклял свой дурной характер. Проклял и гордо вскинул голову – предавать свои принципы он не собирался, ни за какие блага мира.

– Я не верю, что эти двое вот так взяли, и решили посамовольничать – другие, кто не бывал на Сестрорецкой фабрике, в это, может быть, и поверили, но не я.

– Разве?

– Да! Они фанатично преданны вам и поступить так могли

только по вашему прямому указанию. Самим бы им такое и в голову не пришло – так подвести ВАС.

– Господи! Фанатично!.. Самовольно!.. Слова-то какие – я бы сказал, излишне громкие. Неужели вас, Сергей Иванович, и вправду занимает подобная мелочь?

– Оскорбление нижним чином вышестоящего – это отнюдь не мелочь. Это покушение на основы!..

В желтых глазах промелькнул короткий всполох-смешинка.

– Начнем с того, что никаких нижних чинов на стрельбище не было и быть не могло. Мои служащие БЫЛИ когда-то ими, но уже давно не являются. Далее, оскорбил полковника Я. Мои люди, мой приказ, моя ответственность.

Оружейный магнат качнул бокалом, слегка вращая и наблюдая за игрой вина, и продолжил, предвосхищая уже готовый прозвучать вопрос:

– А может, я просто хотел сделать вам приятное?

– ?!

– Шучу, конечно же шучу.

В единый миг доброжелательный собеседник исчез, и перед братьями сидел совсем другой Агренов.

– Сокерин мне мешал, и я его убрал с завода.

– Таким образом?! Но ваши возможности... Ведь вам достаточно было всего лишь поговорить с его высокопревосходительством, и полковника куда-нибудь тихо перевели.

– Мог. И говорил – в частности, касательно вас. И вашего

брата. И еще десятка специалистов на других заводах. Если человек способен принести по-настоящему ощутимую пользу империи, я обязательно поддерживу его всеми доступными мне средствами. Даже если лично мне он глубоко противен. А вот если от человека вреда больше, чем пользы, – то зачем он тогда вообще нужен? И уж тем более я не буду упоминать его в беседе с военным министром, для этого имеется превеликое множество иных, более достойных личностей.

Двое мужчин от таких откровений ошарашенно переглянулись.

– Тогда почему же?..

– Зачем это вам? А впрочем... почему бы и нет? На данный момент Ижевский оружейный и Пермские пушечные заводы имеют вполне разумных и вменяемых – как начальников, так и представителей Военного ведомства. Люди там по-настоящему болеют за порученное дело, и у нас с ними сразу сложилось полнейшее взаимопонимание. На Сестрорецком казенном примерно через год станете начальником вы, Сергей Иванович. А вот на Тульском оружейном меня кое-что не устраивало, и я это «кое-что» поправил. Теперь модернизация и прочие работы здесь будут проходить без заметных проволочек и почти без моего участия – с техническими вопросами вполне справятся заместители.

– Но зачем же все именно так?

Князь глотнул рейнского и отставил бокал.

– Чтобы другие такие сокерины не путались у моих заме-

стителей под ногами, мешая и пытаясь командовать там, где ничего не понимают. Сколько раз вы объясняли полковнику, что сроки переналадки станков и оснастки взяты не с потолка, а являются плодом тщательных и вдумчивых расчетов? И сколько раз он в ответ опять требовал урезать эти сроки? Вы отменяли его несвоевременные и глупые распоряжения, успокаивали начальников цехов после общения с ним, писали рапорты и объяснительные записки чуть ли не на каждый свой чих, самостоятельно сносились с министерством при каждой задержке в ассигнованиях, успокаивали мастеровых, премируя из своего жалованья... Сколько вами бездарно потрачено времени и сил?.. У меня же, как и у моих людей, нет никакого желания и возможности повторять ваш, не побоюсь этого слова, подвиг, ежедневно общаясь с разными самовлюбленными болванами. Все мнимые достоинства которых есть всего лишь чрезмерно развитое чувство собственной значимости.

– Но все же, ведь можно же было как-то и иначе?..

– Довольно, господа. Вы услышали достаточно.

Митрофан, промолчавший весь разговор, решил кое-что уточнить, рассчитывая, что ему все же ответят – слишком многие прозвучавшие слова были удивительно созвучны его мыслям.

– Последний вопрос, ваше сиятельство.

Аристократ, затянутый в вицмундир Военного ведомства, легко улыбнулся, опять превращаясь в приятного собесед-

ника.

– Прошу ко мне по-простому, не чинясь. Нам ведь предстоит долгое сотрудничество, не правда ли?

От такого намека на блестящие перспективы настроение младшего Мосина воспарило в небеса.

– Александр Яковлевич. Что, если бы вместо Георгия Ивановича пришел помощник начальника завода? Его бы тоже не пропустили? Ведь, насколько я знаю, ни того ни другого ваши люди прежде не видели?

– Кто бы там ни пришел, препятствий бы не встретил. Насчет второго вашего вопроса – а ведь говорили, что будет всего один, а? Все еще проще. По заводу ходят всего три полковника. Товарища начальника завода, полковника Куна, мои служащие видели, когда я представлялся самому генерал-майору. Второй полковник находился рядом со мной, а даже если бы и не находился – они его прекрасно знали. Ну а третий и был искомой личностью.

– А если бы он не пришел?

– Значит, использовали бы другую возможность.

Уединение трех мужчин грубо нарушил четвертый. Кабинетский регистратор господин Долгин; оглядевшись, он быстрым шагом подошел к князю и коротко (а еще очень непонятно) доложил:

– Представление отыграли, публика в полном восторге.

Агрнев тут же легко поднялся:

– Прошу прощения, но, увы, дела не терпят отлагатель-

ства.

Легкий стук в дверь кабинета не оторвал Фридриха Альфреда Круппа от важных дел – наоборот, тот уже давно пребывал в нетерпении, ожидая возвращения своего личного порученца... Нет, не так. Он уже давно изнывал от любопытства – что же такого архиважного смог разузнать их осведомитель в РОК, что прислал ТЕЛЕГРАММУ с просьбой о скорейшей личной встрече? Не забыв добавить, что меньше чем на пятьдесят тысяч марок не согласится!.. Причина такого интригующего поведения должна быть по-настоящему весомой. Германский промышленник даже позволил себе немного погадать, предвкушающе размышляя, что же это могло быть. Рецептúra нового сплава? Или какое-нибудь забавное изобретение князя? А быть может, наконец-то прояснится, для чего строят сразу ПЯТЬ больших химических предприятий в кыштымской глуши? Вернее, что именно они будут выпускать. Или (наконец) станет окончательно ясно, чьи именно капиталы стоят за князем? Не лишней была бы и технология промышленного производства грени-та... Совсем не лишней! Много чего хорошего было у русского князя, ой много. Одна его система организации производства чего стоила: вроде все на виду и просто, а вот повторить ну никак не получается – притом что производительность по этой методе просто высочайшая. И качество изделий, как это ни прискорбно признавать, уже заметно выше,

чем даже у него. Да уж! К сожалению, хватало у Агренева и ненужного, и даже откровенно вредного. Например, заводской полиции, этих – вроде как («ха-ха» три раза!) обычных сторожей.

Крупп слегка лицемерно вздохнул, срезая гильотинкой кончик сигары и пытаюсь припомнить, когда таковая полиция появилась уже в его компании. Тридцать лет назад или двадцать девять? Да, собственно говоря, это и не важно. Главное, что ее существование было вполне оправданным – много охотников за чужими секретами нашли приют и покой в заводских подвалах, много... Вечный покой. А еще было оправданным существование одного небольшого департамента, работники которого являлись поистине виртуозами по части добывания самых разных сведений. Англия, Франция, Австрия, временами САСШ, гораздо реже Швейцария и Бельгия, совсем редко – Российская империя... Собственные конкуренты и чужие, друзья и недоброжелатели, заказчики и поставщики – работы департаменту всегда хватало. Как и трудностей – впрочем, как бы там ни старался русский аристократ-промышленник, вполне преодолимых. Его, Круппа, департамент, если понадобится, и в игольное ушко пролезет, причем без всякого там мыла!

– Вы позволите?

В приоткрытой двери быстро мелькнуло лицо секретаря, затем створка окончательно ушла в сторону, и через порог переступил Нейгель.

– Майн гот!²¹ Генрих, что с вами случилось?

Его порученец, всегда подтянутый и опрятный, щеголял парой свежих царапин на лице, белоснежным бинтом на шее и рукой, висящей на перевязи. Да и вид имел весьма далекий от здорового – осунулся и был заметно бледен, глаза лихорадочно поблескивали...

– У вас такой вид, как будто вы побывали в настоящем бою!

Скромным и в то же время осторожным наклоном головы отставной офицер признал, что да – ему пришлось нелегко. А приподнятые уголки губ засвидетельствовали, что, несмотря на трудности, он в очередной раз оправдал все возложенные на него ожидания.

– Прежде всего, самое важное, экселенц: поездка была не напрасной. Наш покойный друг сумел разузнать настолько ценные сведения!.. У меня просто нет слов.

– Покойный?.. По порядку, дорогой Генрих, по порядку.

– Слушаюсь!

Несмотря на то что компания Круппа была насквозь и исключительно частной, многие порядки в ней сильно походили на армейские: беспрекословное послушание, дисциплина... и чувство сопричастности к чему-то большому. Недаром ведь по рейху гуляла поговорка – «что хорошо компании, то хорошо Германии».

– Встреча произошла привычным образом, на частной

²¹ Боже мой! (нем.)

квартире. Осведомитель был явно чем-то напуган и несколько раз повторил, что чувствует за собой слежку. Он передал мне некие бумаги, вернее – копии, и дал с ними поверхностно ознакомиться. После чего немедленно их сжег и потребовал свое вознаграждение. А вместе с ним – защиту от физического насилия со стороны заводской полиции РОК, новые документы и основательную помощь в переезде его семейства на новое место жительства.

– Защита, новые документы и переезд? Он что, сумасшедший?

– Сведения, экселенц. Они того стоили.

– Дальше.

Крупп не хотел торопить своего собеседника, искренне наслаждаясь ощущением тайны и тем, что скоро она перестанет быть таковой. Маленькая слабость большого человека – причем вполне безобидная, а это редкость.

– Я передал деньги и получил указание, где хранятся бумаги, затем состоялась небольшая беседа – и это все, что мы успели.

Нейгель непроизвольно потянулся к шее, но вспомнил, где находится, и тут же прекратил демонстрировать столь постыдную слабость.

– Заводская полиция князя так хороша?

– Более чем, экселенц, более чем. Мне неприятно это признавать – но я НЕ СМОГ оказать им вообще никакого сопротивления. Я не слышал, как они проникли в квартиру,

и не ощущал их присутствия вплоть до самого последнего мгновения.

– Вот как?.. Хм, мой юный друг демонстрирует все новые таланты. Дальше?

– Нашего конфиденнта обыскали, немного допросили – разумеется, он все отрицал, – затем оглушили и... повесили прямо у меня на глазах.

Фридрих, потянувшийся было рукой к сигаре, тут же о ней забыл.

– Занятно.

– Далее, меня развязали и, насколько я понял, запечатлели на фоне, гм, недавнего собеседника. Кстати, проделав это при помощи удивительно маленькой переносной фотографической камеры. Опять связали и ненадолго оставили в покое – по всей видимости, дожидаться наступления вечера. Из разговоров я уяснил, что меня намеревались переправить куда-то еще, с тем чтобы уже там без помех и спешки... Мм, я не вполне понял, но, кажется, это звучало следующим образом – «как следует вытряхнуть душу». Должен заметить, что действия моих, гхм, пленителей, были довольно слаженными. Как будто им уже не раз приходилось заниматься подобными вещами. Кляп, специальные веревочные путы на руки и ноги, очень качественный обыск...

– Как же вам удалось вырваться из этой западни?

– Увидев меня, главарь этих бандитов явно удивился. После непродолжительных разглядываний он приказал своим

сидеть очень тихо и куда-то спешно уехал. Как мне удалось услышать – за каким-то «командиром». Пользуясь тем, что за мной почти перестали присматривать, я потихоньку ослабил свои узы, после чего тут же покинул столь негостеприимное окружение. Через окно.

– Теперь становится ясно, где вы немного поцарапались.

– Почти, патрон.

Генрих выложил на стол доказательство своих подвигов. Смятый свинцовый комочек, в первом приближении бывший когда-то пистолетной пулей калибра семь шестьдесят два.

– Если можно так выразиться, меня горячо провожали.

– Рана серьезная?

– Плечо. Доктор сказал – пустяки.

Порученец браво улыбнулся, показывая, сколь мало его заботит боль.

– Дальше все было опять же привычным порядком: забрав в указанном месте бумаги и получив частную медицинскую помощь, я сел на поезд и пересек границу.

Достав из кармана пиджачной пары толстый и изрядно потрепанный конверт с замятыми уголками, Найгель положил его прямо перед собой. Крупп, глядя на ценную добычу, немного отстраненно поинтересовался:

– Вы уверены насчет нашего конфиденнта?

– Все всяких сомнений. Я более четырех часов находился от тела на очень малом расстоянии и не питаю и тени сомне-

ний в свершившемся факте смерти – да и некоторые физиологические признаки подкрепляют мою убежденность. Например, его язык...

– Такие подробности мне не нужны!

– Виноват. Одним словом, я вполне уверен.

– Он не говорил, каким образом к нему попали сведения?

– Мельком обмолвился, что абсолютно случайно. Отмечу особо – он был испуган до чрезвычайности.

– Печально, очень печально терять столь полезных нам людей. Ну что же, Генрих, я надеюсь, что вы основательно отдохнете перед написанием подробнейшего доклада о своей поездке.

Порученец пружинисто подскочил, демонстрируя, что готов приступить прямо сейчас.

– И я настаиваю, чтобы вы как следует позаботились о своем здоровье – оно еще не раз пригодится компании.

Плечи Нейгеля расправились, и он наконец-то позволил себе открыто улыбнуться – именно такими словами его патрон каждый раз объявлял о премии за проявленное усердие. А еще это значило, что потеря пятидесяти тысяч марок признана вполне обоснованной (хотя его историю, несомненно, еще не раз проверят), иначе не видать бы ему награды. А сам Крупп, проводив до двери ценного сотрудника, на обратном пути подхватил со стола конверт и уселся на свое место, мимоходом раздавив в пепельнице окончательно потухшую сигару.

– Что же, посмотрим.

Аккуратно разложив все содержимое измятой бумажной упаковки перед собой, Фридрих Альфред внимательно, не пропуская и малейшей буковки, все прочитал. Замер, затем машинальным движением сунул в рот новую сигару и опять застыл без движения, в напряженных раздумьях. Резко поднялся, дошел до одной из полок, почти не глядя снял с нее толстенную папку и вернулся обратно. Полистал, с громким треском вырвал один из подшитых и пронумерованных листов и положил его рядом – рядом с одним из листов из конверта, на полях которого кто-то сделал короткие пометки.

– Определенно, это рука князя.

Заметил, что во рту торчит изрядно обмусоленная и погрызенная сигара, и с отвращением ее выплюнул прямо на прекрасный наборный паркет.

– Черт знает что!

Все походило на то, что ему в руки попала часть переписки аристократа-промышленника и какого-то мсье Буссенара. Часть ничтожно малая, вот только содержащая такие сведения, что аж дух захватывало; в Африке, а конкретнее – в одной из карликовых республик буров-переселенцев, рядом с Йоханнесбургом, имеется месторождение золота. В принципе ничего нового (их там уже с два десятка открыли), если бы не объемы предполагаемой добычи. Большие... нет, просто колоссальные объемы! За такой приз определенно стои-

ло побороться.

М-да, а человек князя определенно узнал его порученца. А даже если и не узнал, у них ведь еще осталась фотокарточка... Пустое, не в интересах русского фабриканта именно сейчас поднимать столь щекотливый вопрос, разве что вот Генриху теперь посещение Российской империи нежелательно. А в остальном все останется по-прежнему – тем более что Агрневу вроде бы нужна его помощь в реконструкции каких-то там пушечных заводов? Нет, его добрый друг Александр на конфликт не пойдет. По крайней мере, до окончания работ в этом его Кыштыме. А потом... Потом будет поздно. Хотя, конечно, будет нелишним скомпенсировать свой промах несколькими дружескими уступками. Или даже – подарками. Вроде бы князь интересовался рецептурами жаропрочной стали?

Клац!

Гильотинка тихо щелкнула, обезглавливая остроконечную сигару. С шипением разгорелась серная головка на длинной спичке, затлел алый огонек внутри табачного листа...

– Какие глупости! Его ли мне стоит опасаться!..

Где золото, там и англичане, – так что разработка такого месторождения мимо них не пройдет. Значит, все надо устроить тихо и конфиденциально, и желательно не в одиночку. Но первое, что он сделает, – это...

– Все проверить, – и перепроверить. А потом проверить

еще раз!!!

И если сведения все же подтвердятся... Он, Фридрих Альфред Крупп, всегда и во всем будет первый!

Глава 4

Дум-дум!

Несколько птах, совсем было решивших передохнуть на крыше недавно отстроенного здания, тут же передумали.

Дум-дум-дум! Дум-дум!

И еще одна стайка голубей полетела обратно в Санкт-Петербург, покидая ставший вдруг слишком неудобным Крестовский остров²².

Дум! Дум-дум, дум-дум!

А вот мелкие, шустрые и оттого напрочь бесстрашные воробьи, совсем наоборот, улетать не спешили. Спокойно и с немалым комфортом расположившись на самом верху высоченного кирпичного забора, они с любопытством наблюдали за шумными и неловкими двуногими. При этом даже не подозревая, что являются первыми зрителями еще не открытого, но полностью готового к этому эпохальному событию «Колизеума». Впрочем, треск выстрелов довольно скоро стих, и больше ничто не мешало пернатым наслаждаться последними солнечными днями уходящего лета.

– Ну что же... Неплохо.

Услышав эти негромкие слова, его императорское высочество великий князь Михаил Александрович едва заметно по-

²² Остров в Санкт-Петербурге, находится в западной части города.

розовел от удовольствия. Впрочем, он тут же взял себя в руки и уточнил:

– Всего лишь неплохо?!

Вместо ответа его собеседник небрежно указал рукой куда-то вбок. Михаил проследил за жестом, чуть опустил глаза... и опять порозовел, на сей раз гораздо дольше и заметнее.

Ррдоум-пфтах!

На месте встречи небольшой пиротехнической шашки и пули «русского сорокового» вздыбился полуметровой высоты фонтанчик пыли и дыма. А хозяин «Колизеума» все с той же небрежной уверенностью вернул свой «Рокот» в открытую кобуру и продолжил:

– Особенно учитывая то, что нападать всегда проще, чем обороняться. Итак, твои ошибки?

Нагнувшись и подобрав из-под ног три пустых магазина, августейший подросток положил их на стойку и начал разбирать пистолет.

– Мм?.. Не оставил никого для допроса?

Действительно, дырки в доброй половине мишеней сплошь и рядом были прямо по центру деревянного щита с рисунком, изображающим «бомбиста в атаке». И ни одного комочка свинца в мишенях, изображающих обычных прохожих, – что было еще одним поводом для гордости Михаила.

– Еще?

Самый младший в августейшей семье невольно скосил

глаза на место, где пару минут назад взорвался имитатор «адской машинки», штатного оружия террористов Российской (да и не только) империи.

– Пропустил бомбу?

– Это само собой.

– Ну-у... не знаю.

Молодой мужчина чуточку напоказ вздохнул и повторил свой небрежный жест:

– Третья мишень справа, самая близкая к тебе. Подойди и скажи, что ты видишь.

Михаил тут же отправился полюбопытствовать, и надо сказать, что увиденное ему очень не понравилось – на задней стороне щита, немного выше условной поясницы, к дереву был привязан на редкость убедительный макет шести динамитных шашек.

– И почему же эта мишень целая?

– Александэр, ну это уж ты совсем!.. Э-э, а разве бывают девицы-бомбистки?

– На востоке их называют общим словом федаины, или асасины, не разделяя притом на мужчин и женщин, в империи же их будут называть... Гм, пока не знаю. Называться народовольцами уже вроде как не модно, а к простым и безыдейным бомбистам во все времена отношение было сугубо отрицательным... Хотя, я думаю, за громким и броским названием дело не станет: обзовут себя какими-нибудь

там социал-революционерами²³, а своих удачливых бомбисток назовут боевыми подругами, положившими свои юные жизни на алтарь победы над проклятым царизмом. Впрочем, время покажет.

Один из столпов того самого царизма задумчиво нахмурился – иногда его друг говорил ему такие вещи, что они попросту не помещались в голове!

– Но мы отвлеклись. После сегодняшнего занятия я наконец-то могу констатировать, что удар саблей в голову²⁴ тебе уже не грозит. И если ты будешь заниматься с тем же упорством и прилежанием, что и сейчас, то года через полтора-два будет очень затруднительно бросить тебе под ноги бомбу²⁵.

Четырнадцатилетний юноша внимательно слушал, а его руки словно сами по себе заканчивали чистить и смазывать любимого «Орла».

– То есть основы я выучил?

– Только не загордись.

– Пфе! Александэр... Скажи, а нет ли еще чего-нибудь... ну такого?..

Князь Агренов вскинул левую бровь, делая вид, что ниче-

²³ Партия эсеров, печально прославившаяся отстрелом военных и полицейских чинов, а также государственных деятелей Российской империи.

²⁴ Намек на покушение японского городского на цесаревича Николая.

²⁵ Еще один намек, на успешное покушение на императора Александра Второго. Осуществленное, между прочим, под непосредственным руководством С. Л. Перовской.

го не понял:

– Пожалуй, есть. На третьей арене как раз поставили на станины сразу три пулемета, и если ты хочешь...

– Да нет же, ты не так меня понял!

– Помилуй бог, да как же мне тебя понять, если ты ничего и не сказал?

– Ну я имел в виду... то, чему только ты и можешь научить!

– Ах, вот оно что!..

«Сестрорецкий затворник» со скрытым удовлетворением пронаблюдал, как его августейший гость привычными движениями собирал «Орла» обратно, а затем на полном автомате (и все так же не глядя на руки) начал набивать патронами первый магазин.

– Пожалуй, кое-что найдется. Ты помнишь основное условие?

– Ничего и никому. Помню, Александэр.

– Что же, хорошо. Я перечислю, а ты выбирай, но только что-нибудь одно: агрессивные переговоры в закрытом помещении; прикладная психология, обзор развития военной техники на двадцать лет вперед; геополитика; история союзных отношений империи, и... Пожалуй, этого будет достаточно.

– ?!

После услышанного Михаила вполне можно было использовать как натурщика для статуи «Измученный мальчик».

– Э-э... Не совсем понял, что за переговоры? Да и остальное звучит как-то...

– Хм. Первое – это защита и нападение внутри домов и присутственных мест, с помощью пистолета, пистолета-карабина, а также гранат и ножа.

Великий князь заметно удивился? – оказывается, если немного подумать и сопоставить, то он без малого уже год как изучает «агрессивные переговоры в городских условиях».

– Прикладная психология – это... Проще говоря, это умение правильно строить разговор, а также манипулирование людьми и защита от одного. Интриговедение, если хочешь. Очень полезный именно для тебя предмет, поскольку члена августейшей семьи будут стараться использовать в своих интригах все, кому только не лень. И абсолютно вне зависимости от твоего на то желания или нежелания. Набиваться в приятели, в свиту, в дамы сердца... Ты ведь хотя и младший, но все же сын императора. А в перспективе – родной брат следующего. Так что в покое не оставят, ха-ха, и не надейся – еще пара-тройка лет, и отбою не будет как от девиц, так и от верных друзей-собутыльников.

– Да ну тебя.

Юный отпрыск Дома Романовых досадливо отмахнулся и почувствовал, как предательски заалели уши.

– Далее. С обзором все просто – я расскажу тебе, по каким дорогам будет двигаться мировая военная мысль. Почти ни-

чего конкретного, но тем не менее – все, что ты услышишь, будет правдой. Страшным словом «геополитика» я обозначил извечное соперничество между государствами, которое дипломаты и политики скромно называют Большой игрой. Поверь, это очень увлекательный предмет!

– А последнее?

– Тут я, пожалуй, немного поторопился. Да и ошибся, неправильно его поименовав.

Князь приятно улыбнулся.

– Не история союзных отношений империи, а история предательств империи ее союзниками. Тоже очень интересный и полезный предмет – для общего, так сказать, развития.

Выложив на оружейную стойку свой «Рокот», а затем и пояс с кобурой, двадцатичетырехлетний аристократ подвел черту под очередной тренировкой:

– Выбор за тобой.

Поглощенный «перевариванием» услышанного, юный Михаил бездумно проследовал за другом с арены номер пять. Шагая по аккуратным дорожкам, выложенным разноцветной тротуарной плиткой, и с умеренным интересом разглядывая деловитую суету строителей и грузчиков, он старательно пытался понять – чего же ему хочется больше всего?.. Увы, выделить что-то особенное ну никак не получалось, и отголоски этой явной несправедливости даже провалились на язык:

– Александэр, но почему всего один предмет?

Уступив дорогу кряжистому грузчику, согнувшемуся под изрядной стопкой новехоньких и оттого пока еще целых дощатых мишеней, хозяин «Колизеума» с явным сожалением пояснил:

– Слишком редко мы видимся, и слишком мало время наших встреч. Согласись, лучше уж научиться чему-нибудь одному, но хорошо, чем многому, но кое-как. Тем более что у тебя есть и другие учителя.

Великий князь Российской империи отчетливо фыркнул, показывая – сколь высоко он ценит своих официальных наставников.

– Впрочем, кое-чему полезному вполне можно научиться и без моего личного участия. Ты ведь хотел набрать собственную команду?

Михаил вздохнул, вспоминая, какие тихие страсти развернулись после того, как папá одобрил его желание поучаствовать в Тактических играх. Вернее, не только одобрил, но и разрешил набрать под свое начало четырех сверстников. Те самые интриги...

– Собирался.

Александр понимающе улыбнулся.

– Когда она у тебя появится, старайся тренироваться в «Колизеуме», а я обеспечу ПРАВИЛЬНОГО наставника для всей команды, который и даст ТЕБЕ основы переговоров в закрытых помещениях.

От таких намеков сын императора расцвел прямо на гла-

зах и уже с куда как большим интересом оглядел живописную композицию – из средневекового рыцаря в полном миланском доспехе и легата Римской империи. Надо сказать, что исторические реликты спокойно дымили папиросами, ничуть не стесняясь окружающих взглядов. Особую же пикантность всей картине придавало то, что курильщики совсем не желали делиться ароматным и весьма недешевым табаком, громко отшивая всех желающих. На «великом и могучем».

– А это что?

Увидев приближающееся высокое начальство, двое воинов тут же растворились в окружающем курилку кустарнике.

– Хм? По всей видимости, служащие седьмой арены. Полюбопытствуем?

Пять минут неспешной ходьбы привели их к очередной невысокой оgrade с воротами в виде высокой арки. Из-за стены доносились железный лязг, молодецкое уханье и отдельные слова, складывающиеся во всякое непотребство:

– По башке ему, Егорка!!!

– Шевели ж...!!!

– Да ты руку, руку ему отсуши, дурень!

– Наддай!

Переглянувшись, аристократы прошли внутрь и смогли понаблюдать окончание весьма занятного поединка. Между русским дружинником времен Киевской Руси и рыцарем Тевтонского ордена – валялся на земле разбитый щит,

на латах виднелись царапины от пропущенных ударов и редкие вмятины... Но увесистые мечи по-прежнему были целы и упорно не желали прекращать свой спор:

Цданг-данг, даннг-цданг!..

В этой дружеской встрече явно выигрывал дружинник, но победил, как это ни было странно, князь Агренов – заметив, как разбегается группа поддержки, двое поединщиков невольно отвлеклись друг от друга. Поглядели по сторонам, увидели Александра, дернулись было куда подальше...

– Здесь у меня, как ты сам видишь, арена исторического фехтования. Настоящие доспехи, мечи, алебарды и все такое прочее. Ко мне!

Русский богатырь и «пёс-рыцарь», скромно потупив очи, приблизились, позволив разглядеть неброскую гравировку на шлемах. «Ратмир» у первого, ну и «Ганс» у второго.

– Лука Иванович, а кто это у тебя в противниках?

Коротко звякнул шлем со слегка перекошенным забралом, и на свет божий появилось потное и изрядно багровое «личико» почти двухметрового детины.

– Егорка, из грузчиков.

Михаил, как разглянувший на друга, заметил, как изогнулась в молчаливом вопросе его бровь. И тут же захотел научиться подобному.

– Пятый комплект ну прямо как на него ладили, вашси-ятство. К тому же делом этим дюже интересуется – у меня же, ну как на грех, помощник приболел, а больше ни у кого

нужной сноровки да силушки не было... Да и желания в Гансы-то идти. Всем Ратмира да Муромца подавай! Вот и натаскиваю помаленьку.

– Раз такой талант, то и взял бы его к себе.

– Будет исполнено, вашсиятельство!

Великий князь, заинтересованно косивший глазом на рыцарский меч, не утерпел и шагнул вперед:

– Можно?

После неприметного, но очень хорошо слышимого тычка кольчужной рукавицей в бронированный бок грузчик старательно поклонился (вернее, попытался это сделать) и передал свой полуторник на высочайший смотр. Михаил принял, с интересом оглядел затейливую отделку гарды и рукояти и поискал клеймо мастера. Не нашел, но расстраиваться не стал, а провел пальцем по слегка затупленной кромке клинка и с легкой натугой им махнул. Приноровился, махнул еще – и с удовольствием услышал шелест-свист рассекаемого воздуха.

– Увесистый!

С легким сожалением вернув оружие обратно, сын императора огляделся по сторонам, ненадолго замерев напротив подвешенных на веревке и набитых чем-то вроде соломы мешков, буквально утыканных длинными стрелами. Порыскал взглядом в поисках лука, заметил вместо него стойку с арбалетами, затем мечами и саблями, потом алебардами, метательными ножами и даже дротиками, нашел наконец ис-

комое и совсем было набрал воздуха в грудь для небольшой просьбы...

– Ваше императорское высочество!..

Так ничего и не сказав, августейший подросток мрачно выдохнул, резко отвернулся от оружейных богатств и зашагал на выход, демонстративно не обращая внимания на отыскавшего его свитского. Как он не любил, когда ему напоминали о времени! Вызвавший столь явное неудовольствие придворный благоразумно умирил шаг, позволяя Михаилу и князю Агрневу пройти вперед, да и потом не торопился догонять их на дорожках «Колизеума». Поэтому и не смог услышать весьма занятного обмена репликами при виде остальной свиты, расположившейся за столиками летнего кафе:

– Я выбрал. Прикладную психологию. Как они все мне надоели!

– Хорошо. А они будут тебе весьма полезны при изучении новой дисциплины. Как живые пособия. Подопытные кролики, если хочешь.

Младший сын императора, находившийся явно в дурном настроении, при виде своих сопровождающих сначала нахмурился, затем улыбнулся, а потом и вовсе залился продолжительным хохотом.

– Всего наилучшего, ваше высочество.

Михаил сделал над собой усилие, собрался и, часто-часто помаргивая глазами, в которых стояли слезы от смеха, тихо

признался:

– Я буду скучать, Александэр.

Провожая взглядом удаляющуюся вереницу экипажей, князь задумчиво пробормотал:

– Пожалуй, я тоже...

Стоило посетителю зайти в кабинет, как на лице министра путей сообщения Российской империи, Сергея Юльевича Витте, расцвела радостная улыбка.

– Добрый день.

– Определенно добрый, Александр Яковлевич.

Последние полгода отношения его превосходительства с обществом как-то не складывались – немного мешал скандал, возникший после того, как он, вопреки всем советам и предостережениям, сочетался законным браком с Матильдой Исааковной Лисаневич, урожденной Нурок. Не смутил его и конфликт с ее первым мужем, которому почему-то не понравилось, что за его женой ухаживают (причем так, как будто его и вовсе нет в природе), и необходимость удочерить ребенка – в его глазах это были несущественные мелочи. А вот высший свет империи так не считал и брак министра с разведенной особой еврейского происхождения не одобрил. Вплоть до того, что жене объявили бойкот, а мужу – общественное «фе!».

И тем ценнее был каждый аристократ, относящийся к нему даже не хорошо – просто нейтрально. Князь Агре-

нев, кстати, относился к первой категории. Мало того, он сам попросил о встрече, и Сергей Юльевич намеревался сделать все, что только от него зависит, чтобы шапочное знакомство с восходящей звездой русской промышленности превратилось в теплые и доверительные отношения. Ибо только личные связи что-то да значат в этом сумасшедшем мире, только они всегда с тобой, и только их не может отнять никто – в отличие от всего остального.

– Для начала, позвольте вас поздравить, Сергей Юльевич...

Потомок балтийских немцев признательно кивнул, принимая эти слова насчет его бракосочетания. Как оказалось, он несколько поторопился:

– ...ведь, насколько я понимаю, ваш перевод в министерство финансов – вопрос уже решенный, не правда ли?

Витте непроизвольно выпрямился. Если этот вопрос и был решен, то он уж точно ничего об этом не ведал. Шутить же подобными вещами... Князь в подобном не был замечен, ни единого разу. А значит, его слова вполне могли быть правдой. Определенно, встреча уже становилась полезной!..

– Время покажет, Александр Яковлевич. Как ваши дела с Военным ведомством?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.